

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

18+

Ли Виксен

#ОХОТНИК НА ВОЛКОВ

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Annotation

В мире Королевства двухсотлетней давности бредет по городам охотник на волков – неудачливый зверолов, распутывающий темные дела развращенной аристократии и отчаявшихся мещан повсюду на своем пути. И чем дальше он идет, тем сложнее ему сохранять человечность в самом себе.

А в настоящем загадочный маг со своей невестой вербуют наемницу, чтобы отправиться в самое сердце тьмы, в Удел Мрака, и сразиться с Поглощающим.

Пути охотника и путешественников пересекутся, несмотря на разделяющее их время. И судьба Королевства сделает новый виток.

Побывайте вновь в мире Королевства, прочитав долгожданное продолжение романа «Меня зовут Лис».

Ли Виксен

#ОХОТНИК НА ВОЛКОВ

© Л. Виксен, 2016

© М. Козинаки, фотография на обложке, 2016

© А. Надеев, модель на обложке, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Homo homini lupus est
Человек человеку волк

Я ступила на теплый деревянный пол босыми ногами. Выщербленные временем половицы отозвались скрипом. На кровати зашевелилась гора пуховых перин. Из-под одеял выпросталась тонкая нежная ручка с розовыми ноготками. Я ухмыльнулась и надавила на половицы посильнее. Они заскрипели отчаянней. Но ровное дыхание спящей доказало, что битву с чужими снами я проиграла.

Я была обнажена, и свежий утренний воздух охлаждал мою кожу. Еще вчера я обратила внимание, какое в этой гостиничной комнатухе огромное зеркало в бронзовом обрамлении. Это было удивительно: зеркала – вещи недешёвые. Откуда взялась этакая громадина, метра в два в высоту, в подобном захолустье?

Бронзовую раму покрывала искусная гравировка. Абстрактные узоры вначале показались мне переплетениями лисьих фигур, как на моей броне, но, приглядевшись, я поняла, что это лишь красноватая листва и цветы. Само зеркало было мутное и покрыто слоем пыли. Я провела пальцами по его глади, оставив на ней чистые дорожки. В воздухе, в луче света, заплясали пылинки.

Я стояла голой перед огромным зеркалом и пыталась рассмотреть себя. Вернее, узнать в незнакомом отражении ту, кем когда-то была. Я провела рукой по загорелым плечам и выпирающим ключицам, по похудевшей груди, твердому, как доска, животу. Прошлась ладонями по бедрам, потерявшим округлость. На смуглой коже то тут, то там выделялись светлые полосы и зигзаги: мои шрамы, моя история...

Совсем не то, что я ожидала увидеть. На мне был фаранк – головной убор заокраинцев, шарф с традиционными узорами ока. Он широкими полосами был обернут вокруг головы, а между его витками проходили пряди волос. Вчера, укладываясь спать, я скинула все, кроме фаранка. Потянув за край, я распустила шарф, и мои кудри упали на плечи, спустившись до лопаток. В копне волос виднелись высветленные пряди. Я прислонилась лбом к холодному зеркалу и вгляделась светло-зелеными глазами в мутную глубину.

– Неужели меня снова подхватил ветер?

Отражение молчало. Перед зеркалом стояла поджарая и суровая Бешеная Лисица. Никаких признаков девочки по имени Лис из прошлого. Новая «Я» не нравилась даже мне самой. Какая-то чересчур серьезная или даже надменная. Я всерьез задумалась, как может кто-то испытывать ко мне симпатию, и с беспокойством обернулась на кровать и ту, которая на ней спала. Но царство сна оставалось нерушимым, и я вновь вгляделась в свое отражение в зеркале.

Мои волосы и глаза так и не обрели свой прежний цвет... а ведь уже прошло два года. В мысли вновь ворвались воспоминания, и я, прислонившись спиной к зеркалу, прикрыла глаза и вернулась туда, где все закончилось.

Повозка ока ездила вокруг Сизовой лощины, поскрипывая необитыми колесами. Прошла уже неделя после Взрыва, и кочевники были единственными, кто решился приблизиться к месту, где произошел столь сильный выброс магии. Что бы ни говорили люди, ока искали не мертвецов, чтобы их обобрать. Заокраинцы единственные во всей округе могли представить себе ужасы магического заражения и возможные последствия. Поэтому они искали выживших. Но, увы, находили лишь трупы. Им только и оставалось, что предавать тела земле.

В вербовой роще, подъехав к месту взрыва настолько близко, насколько позволяли их защитные талисманы, ока обнаружили последнее тело. Это оказалась молодая женщина, седая, словно старуха, с широко раскрытыми белесыми глазами. Вид ее напугал заокраинцев, но они решили, что бросать тело нельзя. А может быть, они просто пригляделись и заметили броню, выкованную мастером их токана. Тело закинули в повозку, и, качнувшись, она двинулась назад со своим печальным грузом.

Стоило им отъехать от злополучной лощины, как у возниц за спиной послышался хрип. Это был мой первый вздох за неделю. Одновременно с этим звуком на моей броне с громким хлопком разлетелись в пыль шестнадцать треснувших бусин, подаренных мне когда-то моей подругой Извель. Они достались ей от нашего общего друга, охраняющего путников в дороге.

Ока совещались почти полчаса, обсуждая, стоит ли везти белоглазого демона в токан. Между тем я судорожно и жадно хватала ртом воздух на дне повозки. Сложно сказать, была ли я жива ту неделю, что лежала в лощине. Позднее ока клялись, что я не дышала и была холодна, как самый настоящий покойник. Может, мои магические бусины хранили во мне искру жизни до прихода людей, а может, ока просто не заметили, что я была жива.

В результате решение этой похоронной команды определил мой доспех, выкованный Бороном, мастером их токана. Не видящую, не слышащую и не реагирующую ни на что вокруг, а лишь хрипло дышащую, меня доставили в ближайший токан к Мама-Ока, старейшине заокраинцев северо-востока. Я совсем не помню первые недели после моего чудесного воскрешения. Со слов братьев и сестер мне известно, что на меня потратили много сил и лекарств. Сама старуха Мама дневала и ночевала в шатре, держа ладонь на моем сухом лбу и шепча молитвы своим богам.

Лишь когда радужка моих глаз чуть окрасилась в светло-серый, а призрачная белизна волос потускнела, Мама-Ока поняла, что отвоевала у смерти еще одну жизнь. В тот же день я произнесла первые в новой жизни слова.

– Я не умру, – прошептала я. А затем с неожиданной для полуживой больной яростью прокричала: – я не умру!

Мои силы прибывали с каждым днем. Хотя я боялась утратить слух и зрение, именно эти чувства вернулись первыми. Затем пришли осязание и вкус: я смогла есть лежа. Дольше всего не хотела возвращаться память. Но и она явилась, ударив, словно молотом. Первым желанием было дать волю боли, утопив мир в слезах. Как же я удивилась, осознав, что не могу плакать. Видимо, магия что-то сотворила с моими глазами. Мир обрел краски и четкость, я видела даже зорче прежнего, но плакать больше не могла. Едва я это поняла, мне ничего не оставалось, как рассмеяться. С тех пор приходилось смеяться каждый раз, когда хотелось плакать. Чем больше или страшнее, тем громче я хохотала. Я замещала одну эмоцию другой, но, как ни странно, это помогло.

Хотя силы вернулись, я не находила в себе духу встать и начать что-то делать. Лишь безучастно лежала в шатре, ела, когда мне приносили еду, спала и смеялась. Но как-то раз

одна женщина из тех, что ухаживали за мной по просьбе Мама-Ока, лущила возле моей лежанки орехи и потом оставила пустую скорлупу грецкого ореха. Две одинаковые половинки. Они первыми привлекли мое внимание после того, как ко мне вернулось зрение с остальными чувствами. Сердцевина ореха была вынута, и скорлупа казалась совсем хрупкой. Я сложила половинки вместе и сжала их вялой рукой. Скорлупа не поддавалась, и тогда рука сдавила пустой орех сильнее. Но проклятая скорлупа словно издевалась надо мной. Она оказалась даже прочнее без своей сердцевины.

Это открытие меня потрясло. Скорлупа, пустая оболочка, оставшаяся без какого-либо наполнения, но все еще достаточно крепкая, а может, ставшая еще прочнее. Ведь защищать ей было уже нечего. В этот день я впервые встала и вышла из шатра.

Мир вокруг, оказывается, жил в своем ритме все время моей болезни. Токан кипел новостями, преимущественно про Сиазову лошину. В городе ока говорят на многих языках, не только на родном заокраинском. На языке Королевства из уст в уста передавались вести о магическом взрыве, сотрясшем весь север. В сердце всплеска никто не совался – магия там все еще кипела, как раскаленный металл. Все жители округи либо погибли, либо пропали без вести. Я единственная пережила Взрыв.

Это подвело меня к мысли о гибели остатков легиона Алой Розы. Не сказать, что я сильно удивилась. Чем все закончится для них, я поняла еще в самой лошине. Но даже эта мысль меня больше не тревожила. Та жизнь закончилась, началась новая – в токани, среди ока.

По правде, братья и сестры не сразу меня приняли. Несмотря на то, что седые волосы и белесые глаза начали обретать цвет, я все еще напоминала привидение, и среди ока ходили разговоры, что я проклята магией. За спиной шептались, что я – Хвоара, персонаж фольклора ока, некто вроде злобного духа. Меня сторонились и, хотя выказывали видимое уважение госте Мама-Оки, избегали не только случайно соприкоснуться со мной руками, но даже встретить мой взгляд.

Несмотря на это, мне было суждено стать частью клана. Все началось с желания вырваться из токана, за пределы его незримых стен. Ходить на большие расстояния было тяжело, так как ноги еще плохо слушались. Поэтому я попросила у Мамы-Ока лошадь. На гнедой кобылке я объезжала близлежащие холмы, любовалась закатами и слушала степных птиц. Время словно застыло, а от меня не было никакого проку. Я питалась едой народа ока, спала в его постели, но была бесполезна, как соломенная кукла. И до поры меня это не тревожило.

Но в одну из прогулок я стала случайной свидетельницей жестокой забавы. Степные бандиты преследовали двух гадалок ока, которые возвращались с базара Штольца. Верхом на крупных лошадях, тыкая в них копьями, они гнали беззащитных заокраинцев, словно диких зверей. Я наблюдала за происходящим с холма, минут пять. Рослый бандит с грязно-рыжей бородой и притороченным к седлу трупом мертвой собаки, видимо, решил заколоть жертв насмерть, завершая свое варварское развлечение.

В этот миг какой-то невидимый механизм у меня в голове придал нужный ход беспечным мыслям. Я вспомнила все: и скорлупу грецкого ореха, и ощущение беспомощности из моей юности, и забытый треск-стон ткани, и мягкий удар магического взрыва в лицо – теплый воздух, полная темнота, поглотившая мир, и осознание потери самой большой ценности на свете.

Я пустила лошадь с холма галопом. И прежде чем бандит успел опомниться, накинула

ему на шею петлю из сорванного с головы фаранка и буквально вырвала его из седла. Его товарищ словно остоленел и пораженно наблюдал за нами. Я душила мерзавца долго, возможно, несколько минут. Напарник его, совсем молодой парень, успел прийти в себя и разразился слезами и мольбами. Отбросив свое копье, он просил сохранить жизнь его брату.

Но я его не видела. Я смотрела на ока – оставляя на земле кровавый след, они бежали в сторону токана – и вспоминала историю Кима, родителей которого забила камнями охрана аристократа, просто от скуки.

Степные бандиты тоже просто развлекались, может, потому я и душила эту сволочь с наслаждением, какое раньше было мне неизвестно. И что удивительно, внутри не вспыхнул извечный спор между доброй маленькой Лис и суровым двойником Атоса в женском обличье. Атос умер. И он победил. Внутри меня остался только зверь.

Когда я отбросила от себя бездыханное тело рыжего бородача, его младший брат уже собрался с духом и попытался напасть. Это дало мне повод. «Ты дал мне повод, – говорила я сотни раз после этого. – Ты сам виноват».

Вернувшись в токан, я разыскала свой доспех с пустыми выемками от бусин из браслета Карамина и корундовый меч с трещиной на лезвии. Не сказать, что я знала, что делать со своей жизнью, но, по крайней мере, передо мной забрезжило хоть какое-то будущее. И оно вело в ратаран.

Ока никогда не были воинственной расой. В Ирбисе, столице их родины Заокраины, процветали магические искусства, а военное дело не развивалось. Однако своя каста бойцов имела и у ока. Когда из-за магической напасти всю Заокраину стерло с лица Земли, а заокраинцы начали мигрировать токанами и поодиночке, выжившие ока из клана воинов создали ратаран. Не более дюжины человек на один токан, они были избранной гвардией и весьма искусными бойцами. Их было до смешного мало, но особенности боевого стиля, оружие, муштра сильно отличали их от остальных ока – бродяг, предсказателей и гадалок.

Ратаран – приложные воины Заокраины. Они были и при нашем токане. Но когда я явилась к их предводителю и попросила взять меня в следующий рейд, тощий черный мужчина с белыми тонкими усиками лишь презрительно взглянул на меня, белого призрака Хвоару, и бросил:

– Ромэ!

Это походило на отказ. А я разучилась принимать отказы.

– Я хочу в ратаран. Я не вашей крови, но дайте мне шанс.

– Ромэ! – громко и строго повторил предводитель.

– Вы не знаете моей силы!

– Ромэ! Ромэ!

Меня так разозлили его тон, его тонкие усики и надменный вид, что я кинулась на мужчину, желая вколотить это глупое «ромэ» ему в глотку. И только пара солдат-ратаран, схвативших меня за руки, не допустили драки.

– Ромэ – означает «принята», глупая девчонка-призрак! Чтобы работать с нами, тебе придется для начала выучить наш язык, – заключил глава ратарана.

Позднее я узнала, что его зовут Кашим, – так заокраинцы произносят имя божества-хлебопашца Кашми. Правда, с богом у него не было ничего общего. Его отличали горделивость и заносчивость, но умению Кашима вести бой и обращаться с изогнутой саблей-лакши можно было позавидовать.

Я настолько погрузилась в воспоминания, что и не заметила, что сижу голым задом на деревянном полу. Половицы нагрело солнце, но прохладный утренний воздух согнал меня с места. Поднявшись, чтобы взять одежду, я направилась к кровати. Она, как и зеркало, была слишком большой для такой маленькой комнаты. Над одеялом вновь мелькнула нежная ручка.

Я не удержалась и присела, как была голышом, на край постели. Среди перин и подушек в обрамлении золотистых кудрей покоилась головка поистине ангельского создания. Если бы меня спросили, доводилось ли мне видеть девушку прекраснее, то я бы с уверенностью ответила, что никогда. Аэле была творением божества, а не земным ребенком. Ее шелковые кудри сияли в утреннем солнечном свете, а нежная кожа персикового цвета была покрыта нежным румянцем на щечках.

Глаза беспокойно двигались под сомкнутыми веками: Аэле снился какой-то сон. Один из тех, что она радостно мне рассказывала, взмахивая своими изящными ручками у меня перед лицом. Губки были чуть приоткрыты, словно в удивлении. Сейчас девчушка больше напоминала картину из замка, нежели настоящего человека.

Я поправила загнувшийся край одеяла, чтобы он не мешал ей и не лез в лицо. Она была так близко, в ключичной впадинке пульсировала тонкая голубая жилка. В какую авантюру ты меня втянула, Аэле? Я даже тихо рассмеялась. Потом проговорила:

– Ты чудовище. Мучающий меня маленький монстр, втягивающий в неприятности.

Аэле во сне перекатилась на другой бок, отвернулась от меня, словно давая понять, что наш разговор окончен. Я выглянула в окно. Птицы вовсю уже галдели, утро полностью вступило в свои права. Во дворе гостиницы, куда выходили окна наших комнат, крикливые прачки переругивались около колодца. Вздохнув, я прошла к своей одежде, небрежно брошенной около циновки, – моего ночного ложа. Все правильно: принцессам достаются мягкие перины, а бешеным зверям вроде меня – коврики у кровати, и то если повезет.

Я сменила повязку на подживающей ране, натянула одежду и подняла доспех. Рука задержалась на нагруднике. Металл не потускнел со временем. Даже магический взрыв, превративший в пыль волшебные бусины, не заставил заокраинское серебро потускнеть. Лисы все так же вились золотистыми узорами. Я невольно вновь бросила взгляд на зеркало, но раму все-таки украшали листья, а не «лисий» орнамент, как мне показалось вначале.

Когда я зашнуровывала рубашку и крепила доспех, в голову вновь пришли мысли о прошлом. Я так и не смогла отплатить токану за все, что он для меня сделал. Сбежала оттуда так быстро.

ТОГДА

Ратаран никогда не считался привилегированной кастой Заокраины. Примерный перевод самого слова «ратаран» звучал так: неумный человек с мечом. Это кажется странным здесь, в Королевстве. Но для могущественного государства, чья сила заключалась в магии, такое толкование было вполне логичным. Неумный человек, которому не хватило знаний для магии, тот, кому требуется кусок железа, чтобы обладать властью. Прошли столетия, и

внезапно ратаран остался единственной частичкой могучего государства, хранившей традиции и жалкое подобие иерархии.

В ратаран никогда не брали против воли. Мальчики и девочки могли добровольно выбирать этот путь, но, однажды ступив на него, они понимали, что это пожизненная служба. Кочевая стезя избаловала заокраинцев: любую диктатуру, в том числе военную муштру ратарана, они воспринимали как вызов и обиду. Сюда не стремились, лишь единицы и вправду желали получить военную профессию – стать защитниками токана. Однако ратаран жил, год за годом пополняя свои ряды. Принимая лучших.

Меня это, конечно, не касалось. Кашим сразу объявил, что берет меня в свою армию лишь на время. Также он не скрывал, что за меня просила Мама-Ока и что свою роль сыграло мое мистическое прошлое, а именно то, как я выжила при магическом Взрыве. Несмотря на эти слова, в ратаране меня не третировали, равно как и не относились с почтением. Здесь не бралось в расчет ни то, что я женщина, ни мой рост, ни моя слабость после болезни. Эта миниатюрная армия жила дисциплиной и стремительностью, и следовать этим принципам не было такой уж трудной задачей для бывшего легионера.

Слова «один боец, стоящий десятерых» не были преувеличением в отношении солдат ратарана. В ином случае токан бы просто не выжил. Палаточный город ока представлял собой лакомый кусок для бандитов, ведь сюда со всей страны стекались заокраинцы, в том числе и для торговли. А где торговля, там всегда большие деньги. От крупных неприятностей ока откупались, для прочих случаев существовал ратаран, раз за разом державший оборону. Помимо отличных боевых навыков и потрясающего мастерства в разведке, бойцы-ока намеренно распускали о себе жуткие слухи в городах: о пожирании ими человеческой плоти для обретения божественной силы, о мучительных пытках поверженных противников, вроде заливания глазных яблок кипящим маслом и отделения плоти от костей кисти. Едва ли и сотая доля этого бреда была правдой. Да и поверить в подобное могли лишь слабоумные. Однако бандиты и были недалекими и падкими на суеверия, поэтому такая предупредительная тактика защиты ратарана оказывалась весьма действенной.

Случалось нам патрулировать и сам токан. Хотя ока, ценившие свое братство, редко допускали драки, горячие головы время от времени затевали ссоры. Тогда ратаран выполнял роль внутренней, «городской» стражи. Утихомиривал буянов и мирил семьи.

Но особенно мне запомнились наши поездки в бывший Элдтар. Некогда цельное государство, прилегавшее к северо-восточной границе Королевства, развалилось по вине Проклятого копейщика, с которым я столкнулась в Лисьем чертоге. За пределы Королевства я выбиралась впервые, надеясь набраться новых впечатлений. К сожалению, поездка оказалась на редкость унылой. Бывший Элдтар обладал, наверное, худшим видом на свете. С юга надвигались барханы с холодными и злыми ветрами, задувающими между ними и кусающими зазевавшихся путников за щеки и носы; а с севера тянулись непроходимые камышовые болота с редкими полунищами деревнями между ними.

Когда линия правителей Элдтара прервалась и королевство начало разваливаться на части, соседние страны чуть глотки друг другу не перегрызли в стремлении отхватить от пограничного государства кусок полакомей. Свою часть добычи получило и Королевство. Да только права на эти земли никто так и не заявил. Здесь не было плодородной почвы для пахоты или удобных выходов к морю для торговли. Что до налогов, население бывшего Элдтара настолько обеднело, что любая плата правителю свела бы их в могилу из-за голода в течение месяца. Брать с них было нечего, это понимали даже бессердечные аристократы

Королевства. В итоге земля осталась забытой.

Но, как говорят у нас на юге, лежалый кусок всегда привлечет бродячего пса. В барханах завелся всякий сброд, вроде мародеров и нечистых на руку дельцов, устроивших в негостеприимных дюнах свои логова.

А еще там стали жить волки. Хищники, не имевшие ничего общего с чахлыми серыми тварями Королевства, которых я встречала в горах Хаурака. Покрытые черно-бурой плотной шерстью, эти псы размером с хорошего пони, с крепкими желтыми зубами напоминали чудовищ из детских книжек. Мы с ратараном ходили на волчью охоту дважды. И каждый раз теряли людей. Причин подвергать опасности нашу и без того малочисленную армию было две. Первая – это черные кости волков, считавшиеся ценным товаром по всему Королевству. По преданиям, такой странный цвет кости приобретали от того, что волки питались человеческими останками. Но, как полагал Кашим, да и я тоже, дело было в элдтарских угольных болотах, откуда животные поколениями пили черную, как ночь, воду. Волчью кость ценили не только купцы, но и сами ока. Они ее полировали до блеска эбенового дерева и делали украшения для волос – тамаки. Вплетенные в белоснежные волосы ока, черные тамаки тысячами капель-слез сверкали на солнце ярче алмазов, оттеняя темные лица заокраинцев.

Вторая причина заключалась в том, что охота на волков служила своеобразной инициацией для новых воинов ратарана. Каждый из новичков должен был убить элдтарского волка, чтобы доказать свою пригодность к службе. Мне хотелось бы рассказать потрясающую историю о том, как я кружила в смертельном танце с волком, как мы с ним рычали друг на друга и как громадный зверь меня чуть не загрыз. Но, увы. Все оказалось весьма прозаично: я просто убила волка. Громадную злобную тварь, которая прикончила бы меня, будь у нее шанс. Кашим подошел ко мне после того, как все закончилось, и спросил на языке ока, который я понемногу начинала понимать:

– Что ты чувствуешь, Лис?

Я долго подбирала слова, так как знала их совсем немного. Наконец нужная фраза сложилась в уме.

– Я просто убила волка, – проговорила я на ломаном заокраинском, как мне показалось, довольно прилично произнеся рычащие согласные. Но Кашим почему-то содрогнулся и отошел, не добавив ни слова.

Намного позднее предводитель ратарана пояснил мне, что «равэ» на языке Старой Заокраины имеет двоякое значение: не только «волк», но и «чувства», и что в моем ответе он услышал второй вариант. Я посмеялась над этой двусмысленностью, а Кашима она опечалила.

* * *

Токан представлял собой удивительное место. Город-шатер, в который стекались ока со всех уголков Королевства. Конечно, именно здесь они делились с соплеменниками всеми важными новостями, тайнами и секретами. В основном это происходило на улицах: в чаду, дыму, среди детского визга и собачьего лая. Но также устраивались и особенные встречи.

Так называемый круг кабат был чем-то средним между соседскими посиделками и древним мистическим ритуалом, если вообще возможно проводить параллели между столь

разными понятиями. Путники, и те, кто прибыл неделю назад, и те, кто уже как месяц жил в токоне, гадалки и подростки из городов – все, кто считал, что обладает важными новостями, приходили к Маме-Ока, и она собирала кабат.

Само слово «кабат» называло не столько место, сколько дурманную траву для курения. Ею набивали длинную трубку, и, когда все гости усаживались в круг, именно она давала право голоса. Трубку передавали из рук в руки, гость делал затяжку, а затем рассказывал свои важные новости. С расстановкой, не спеша и давая возможность всем присутствующим обсудить их и добавить что-то свое.

На кабат могли бывать и оседлые жители токана вроде меня. Считалось, что даже у них могут быть свои соображения насчет важных для ока вестей извне. И я этим правом пользовалась. Не то чтобы мне нравился сладковатый дым кабат или медленное пережевывание новостей из Королевства и сопредельных земель. Но полусонная атмосфера, царившая на этих собраниях, умиротворяла мой мятежный дух и мою совесть.

Я посетила десятки кабат. На одних было интересно, на других не очень, пару раз даже заснула, убаюканная размеренными голосами. Но одна встреча мне запомнилась, и хотя спустя полтора года я бы едва рассказала о своей жизни в токоне, слова, сказанные тогда, крепко засели у меня в голове.

На это кабат я пришла с Кашимом уже как представитель ратарана. Первый гость жаловался на жестокость людей юга, другой рассказывал о кровавых битвах, предвещая скорую победу леди Крианны, пятидесятилетней старой девы и троюродной тетки почившего короля, и ее легиона Белого Чертополоха, который уверенно грабил южные провинции одну за другой.

А вот третий гость оказался интересен. Чернокожий старик со сморщенной, как чернослив, кожей и веселыми ярко-голубыми глазами медленно затягивался дымом кабат и не торопился говорить. В его длинных, до пояса свисавших волосах то тут, то там поблескивали черные тамаки. Наконец старик решил поделиться своими мыслями:

– Люди говорят о войне на юге, о голоде на западе, на востоке у нас тут холодно так, что кажется, будто выпадет снег, на севере же опять эпидемия странной болезни. Но это всегда было и будет: непогода, голод и войны. А вот что люди совсем не замечают, так это то, как в нашу жизнь пробрались чудовища. – Он сделал длинную затяжку и с наслаждением выпустил пару колец дыма. – По всей стране, около каждого села и деревушки люди встречают монстров – полулюдей-полузверей. Те редко нападают, чаще торгуются – выменивают оружие, а потом исчезают. Мы настолько погрязли в наших заботах, что такие новости нас особо и не волнуют. Мы думаем: «Ну, еще одна причуда Поглощающих», – но эти монстры промышляют уже по всей стране!

В моем далеком и таком иллюзорном прошлом я встречала этих существ. Старик был прав, возможно, стоило больше волноваться из-за такого вида магии – мы же отнеслись к этому, как к очередному странному событию, не более. Не пытались искать причин.

Слово взял Кашим:

– Ты прав, о-дре. Я сам повидал нескольких из них. Один, полуенот, был абсолютно сумасшедшим, но весьма разговорчивым. Все твердил о своем великом королевстве и какой-то коронации.

– Думаешь, монстры замыслили вмешаться в гражданскую войну? – спросила Мама-Ока.

– Вряд ли, – покачал коротко остриженной головой Кашим.

– А я знаю точно, дело не в нашей войне.

Взгляды присутствующих обратились к бледной Хвоаре. Я редко говорила на кабато что-то полезное для ока. Но взгляды вынуждали, заставляли делиться сокровенным. Мне передали кабато, и я сделала затяжку. Голову наполнил сладкий туман, и я сказала:

– Я встречала человека-голубя и человека-хоря. Оба они собирали оружие, обогренное кровью. Голубь говорил о коронации и утверждал, что у них – монстров – свои короли.

– А хорь? – Старик кивнул на трубку, и я передала ее обратно.

– Человек-хорек пытался оклеветать дочь вашего племени, нареченную Извель, и вызвать гнев жителей Штольца. Он хотел получить много кровавого оружия.

– К чему оно им? Не об этом ли мы должны думать, о-дре? – Кашим посмотрел на Мама-Ока.

Та лишь покачала головой:

– Эти монстры не нападают на ока. Они идут своим путем. Это черная магия, и мы будем в стороне до тех пор, пока нам не станет ясно, зачем они явились в Королевство.

Ох уж эти ока. Потеряв свою родину, Заокраину, они вели себя немногим лучше жителей Королевства. Каждый ценил свою кровь, свой цвет кожи – никто не хотел вмешиваться в дела соседа.

Я покинула это кабато встревоженная воспоминаниями. Монстры, похожие на людей. Или все-таки люди с вселившимися в их тела монстрами? Погруженная в раздумья, я дошла до границы токана. Сам палаточный город ярко освещали бумажные фонарики, но вокруг него на многие километры расстилалась темная степь.

Был поздний час, а на небе не зажглась ни одна звезда. Токан тонул в море темноты, казалось, гигантские черные волны накатывают на хрупкие стены этого маленького царства и грозят захлестнуть их. Там, во мраке, жило множество существ, и мы не знали ни их настоящих имен, ни даже примерных словесных обозначений для них. Все эти монстры бродили где-то там, со своими королями и коронациями.

Было ли правильно отсиживаться возле уютного костра и забывать о темноте, что ждала снаружи? Я не знала. Но чувствовала, что жизнь еще столкнет меня с этой тьмой. Не зря Мама-Ока предрекала мне сплошные несчастья. И хотя я справедливо считала, что уже хлебнула горя сполна, большая часть испытаний ждала меня впереди, где-то за пределами освещенного круга. Во мраке.

* * *

Я провела в ратаране совсем мало времени. И за эти дни под руководством Кашима вряд ли стала лучшим воином, чем была. Но на ноги встала, это точно. Волосы снова стали каштановыми за исключением десятка прядей, которые, словно выцветшая на солнце слоновая кость, белели в моей шевелюре. А вот к глазам так и не вернулся их насыщенный карий цвет, они навсегда обрели цвет осенних зацветших луж с вкраплениями ржавчины.

Мне нравилось в ратаране. Но я не осталась с ока в токоне, а решила идти дальше. Почему? Для ухода у меня было три причины, и каждую из них я посчитала достаточно веской, чтобы сорваться с места.

Во-первых, я не смогла стать ока, и дело было не в крови. Меня научили ругаться как сапожник, пить как буйвол и драться как Войя. Все в токоне стали называть меня Сестрой,

позабыв обидное прозвище Хвоара. Но это была другая культура – прекрасная, даже великолепная и живая, но в то же время бесконечно дикая и чуждая мне. Беспорядочные связи здесь почитались за свободные отношения, и общие дети, наводнявшие токан, не знали своих отцов. Понятие личного не принималось в этом кругу – делиться полагалось всем от еды до оружия. Горячая кровь приводила к шумным спорам, которые хоть и редко доходили до драки, но всегда донимали меня, особенно посреди ночи.

Токан был семьей, я же приходилась ока приезжей кузиной, которую хоть и принимают с улыбкой, но она сама чувствует, что загостилась.

Второй причиной стал Ким. Когда меня еле живую привезли в токан, Извель уже не было. Просвещенная подруга направилась дальше по пути своих странствий, в поисках новых книг и знаний. Но мальчик, которого мы вместе привели в токан, остался. Именно здесь он обрел семью и друзей, заменивших ему потерянных родителей. И как только мои глаза снова увидели свет, они заметили и Кима.

Незримой тенью мальчишка следовал за мной, куда бы я ни направлялась. В новом доме к нему не вернулась речь: малыш все так же оставался немым. Однако за прошедшие месяцы Ким вытянулся и нарастил мяса на свой хрупкий остов.словно молодой волчонок или койот, он плелся за мной, даже когда я, еле передвигая ноги, бродила по токану, точно крыса в клетке. Мальчишка смотрел своими бездонными глазами, не понимая, какую боль он доставляет.

Ким был частью прошлого, где Атос еще жив. Глядя на мальчишку, я вспоминала, как крайниец, узнав о трагедии в его жизни, начал незаметно о нем заботиться. Вспоминала и о нашем с Кимом шуточном соперничестве за внимание моего учителя. Мальчик не принадлежал моему настоящему. Я смотрела на него, а видела Атоса – и это медленно сводило меня с ума.

Но гораздо больше беспокоило то, что Ким всерьез вознамерился присоединиться к ратарану и сопровождать меня в поездках. Он, разумеется, этого не говорил, но было трудно не заметить, как он готовится. Я не знала, берут ли в армию ока таких малышей, и запаниковала. Пустая скорлупа грецкого ореха выдерживает сжатие в кулаке. Человек, которому нечего и некого терять, всегда сильнее.

Я кричала на Кима, гнала его, даже отвесила ему пару оплеух, но мальчик терпел. Его глаза наполнялись слезами боли и злобы, но он продолжал преследовать меня. И уход из токана уже не казался таким уж безумным выходом.

Третьей и самой важной причиной стало то, что Взрыв меня изменил. Оставим в стороне трагические речи о потерянных друзьях и физических страданиях – это глупости. Взрыв изменил меня в самом прямом смысле слова – облучил магией. Когда Ирбис был разрушен магическим бедствием, изрядную порцию волшебства получили почти все ока, находившиеся достаточно близко к дому, но в то же время достаточно далеко, чтобы выжить. Эта магия сделала их немного колдунами: гадалками, предсказателями, наделила способностью видеть вещие сны – с таким багажом вышли заокраинцы из своей трагедии.

Мой случай был несколько иным. Взрыв в Сиазовой лощине был не столько волшебным, сколько злым: чистым средоточием горя, ненависти и злобы. Я так и не узнала, открыла ли Алайла ту дверь, которую хотела, и что она за ней обнаружила. Но три магические волны, прокатившиеся по округе вслед за ее действиями, были самой тьмой. Едва выжив в этом аду, я в придачу к обесцвеченным глазам и волосам получила что-то вроде особого чутья на магию.

Я чувствовала ее следы в воздухе, как гончие псы чуют добычу. Тут легкий след от магического артефакта, уничтоженного еще в прошлом веке, там – от деревенской девушки, которая может предсказывать, мальчик родится или девочка.

Вся магия теперь была как калейдоскоп у меня перед глазами. Темные куски, ярко-белые обломки, красные брызги и желтые полосы. Я видела и себя сквозь свою новую внутреннюю призму – тьма от Взрыва стала частью меня. Порой вокруг моих ладоней пробегали темно-фиолетовые искры или молнии. Я не чувствовала боли и не беспокоилась, более того, с приходом нового чутья совсем прекратились кошмары, так донимавшие меня до Взрыва. Я вообще больше не видела снов и была за это благодарна богам.

Но находиться в токоне было серьезным испытанием. Целый походный город, наполненный гадалками, хиромантами и таинственными артефактами, – это сбивало с толку и просто раздражало. Чтобы сосредоточиться на чем-то одном, приходилось прилагать невероятные усилия. Магия мельтешила вокруг, как тысячи назойливых насекомых.

Перед уходом я решила поговорить с Мама-Ока. Эта старуха меня спасла, но я не часто виделась с ней с тех пор, как присоединилась к ратарану. Она с пониманием относилась к моему отдалению, не путая это с черной неблагодарностью.

– Ты твердо уверена, Лис? – проговорила старуха в карминовом платке, повязанном поверх множества ее юбок и блуз. – В токоне тебя любят. Ты стала нашей сестрой, не по крови, но по духу.

Я лишь кивнула, стараясь не утратить уверенность в том, что надо уйти.

– И ты не хочешь услышать предсказание? – В голосе старой гадалки проскользнула грусть.

– В прошлый раз ты довольно точно предсказала, что меня ждет тьма. Она пришла, и я ее приняла. И теперь я пойду дальше.

– Чтобы жить?

– Чтобы жить, – эхом откликнулась я.

– Я могу только благословить твой путь всеми сотнями богов Королевства. – Ока подняла морщинистую руку и раскрытой ладонью обозначила полукруг над моей головой. Пара багряных капель сорвалась с кончиков ее пальцев, и она поспешно спрятала руку под платок.

– Ты каждый раз ранишь себя, общаясь со мной, – сказала я, опустив взгляд. Мне было и правда жаль Мама-Ока.

– Твоя аура стала еще более колючей, дитя. Как и ты сама. Ты больше не испуганный лисенок, ищущий норку.

– Нет, – усмехнулась я. – Пора лисят прошла. На охоту вышла лисица.

#Волк второй

Когда тебя нигде не ждут – можно идти куда вздумается. В этом, наверное, и есть прелесть бродячей жизни. С севера находились Край заброшенных душ и Элдтар, с запада открывались Великие равнины и Кармак, на юге все так же кипели битвы и ждали сотни не посещенных мест. Но душу тянуло на восток.

Город грушевых садов встретил меня шумом, грязью и криками беспризорников. Статуя Далии, воздвигнутая напротив мраморной библиотеки Ларосса, была обгажена голубями. Правая рука обломилась по локоть, а на левой слой белой краски пожелтел и частично сошел. Под статуей спал бродяга, покрытый паршой.

Но именно этот вид подарил спокойствие моему мятежному духу. Испоганенная статуя словно говорила, что время сказок закончилось. Вот она, жизнь: грязная, мерзкая и неприглядная. И вот в такой жизни самое место предателю и трусу. Я смогу жить среди этих людей, и это то, чего я заслуживаю, – моя кара и мое будущее.

Сказать, что наемники Ларосса приняли меня недружелюбно, значит не сказать ничего. В трактире «Хлипкий мост», месте, где собираются путешественники и наемные солдаты, беглые легионеры и юнцы, стремящиеся стать героями, меня не ждали. Тут вообще не ждали женщин с мечом.

Когда меня, вопящую и кусающуюся, два мужлана сгребли за шкуру и, вытащив наружу, швырнули в придорожную канаву, я впервые поняла, что женщина-воин еще не завоевала себе места в Королевстве. Путешествуя в компании с двухметровым крайнийцем, легко об этом забыть. Люди становились намного сговорчивее, рассмотрев огромный меч Атоса. Но время сказок миновало, как и время друзей и их мечей. Я понимала: чтобы отвоевать себе право находиться среди этих немытых рож, мне придется заставить себя уважать.

Пожалуй, это было самое тяжелое решение после Взрыва. Как я ни пыталась пробиться в общество ларосских наемников, попасть в их кабак, чтобы получать те же заказы, что и они, – как ни старалась, раз за разом эти солдафоны вышвыривали меня в грязь. Я была не просто девушкой, а девушкой в одежде ока, с загорелой, как у них, кожей и легким акцентом. Я была маленькой наглой дрянью, не знавшей своего места. Слова не действовали, как и угрозы, – мужчины их просто не воспринимали. Когда-то Атос сказал, что наемники знают хорошо только один язык. И это язык силы. Поэтому мне пришлось сменить тон.

В один из вечеров я вошла в «Хлипкий мост», села за стол и положила на него свой корундовый меч. И заказала эль. Неслыханная наглость – это ведь напиток усталых вояк, а не заокраинских шлюх, сказал кто-то. Та драка отличалась от всех других схваток. Это была не тренировка и не дуэль с одним противником. Не бой против монстров или озверелой толпы лавочников. Это была суть нынешнего Ларосса: подлость, хитрость, травля. Я сражалась против десятка мужчин, а остальные безучастно наблюдали.

Мне выбили два зуба – слава богам, не передние – но жевать на правой стороне я так и не приспособилась. Один вояка чуть не выколол мне глаз, и с тех самых пор шрам разделял мою бровь. На мне не осталось живого места и едва ли – хоть капли крови.

Но я победила. Вокруг стола лежало одиннадцать трупов. А когда я трясущимися руками снова положила на стол меч и повторила заказ, мне принесли мой эль.

Если хорошенько подумать, это не были безымянные тени. Все эти бойцы приходились кому-то сыновьями, мужьями и отцами. Но я запретила себе об этом думать. Они-то уж

точно не стали бы искать моих родственников, а просто сбросили бы труп в море. Эти одиннадцать мертвых тел стали своеобразным вступительным взносом в общество вольных солдат. Не скажу, что больше проблем не возникало. Но теперь я знала, как их решать, и что немаловажно – окружающим стало известно, как я это делаю.

Текло время, и люди из Ларосса уже хорошо выяснили, кто такая Бешеная Лисица. Дурацкое прозвище закрепилась за мной после того, как какой-то забулдыга, запомнивший узор на моей броне во время той самой первой резни, так меня назвал. И сколько бы я потом ни говорила, что я Лис – кличка ко мне приклеилась накрепко, а вскоре и вовсе сократилась до Бешеной.

Я и стала такой, ведь имя имеет сильную власть над его носителем. Возвращая свой авторитет и репутацию, как наемницы, я бралась за самые безнадежные дела, перебила добрую сотню бандитов и пиратов в округе. Мое новое имя за два года стало почти легендой. Страшной легендой, ведь поговаривали, что Бешеная хватается за любой заказ лишь потому, что ей просто нравится убивать. Да, люди поговаривали – а я их не поправляла. Каждый раз перед битвой мои пальцы касались выемок на броне, тех мест, где когда-то находились бусины, дарующие второй шанс. Они дважды спасали мне жизнь, но теперь этих бусин не было.

Прошла пора, когда у тебя имелись запасной план и оживляющий артефакт, говорила я себе. И это, как ни странно, дарило ощущение свободы. Я чувствовала себя живой настолько, что не боялась кидаться в бой, как обезумевшее животное. Больше не было бусин, друзей или мечты – я могла драться, рассчитывая только на себя. А если бы пришла смерть, то я раскрыла бы ей свои объятия.

Нанимать меня, девушку-бойца, было экзотично и быстро вошло в моду. В портовом Лароссе кипела жизнь, и наемники всегда были в цене. Меня нанимали как красивый эскорт заморские дипломаты, купцы брали меня в охрану для своих дочерей, а жадное правительство посылало меня в убийственные миссии, надеясь, что на задворках цивилизации я тихо подохну и уже не вернусь в их славный город.

Но я каждый раз приползала назад. Израненная, истерзанная и с вечной кривой ухмылкой на губах, такой же, какая когда-то, давным-давно, не сходила с лица одного крайнийца по несколько дней кряду. Я вселяла ужас в наемников, моих товарищей по ремеслу, внезапными и беспричинными взрывами смеха, вспыльчивым характером, мастерским владением меча. Но ко мне, как к любой заразе, привыкли. Я не скупилась угощать наемников выпивкой после удачных миссий и слушала их треп. За два года я стала таким же атрибутом Ларосса, как и статуя Далии, – такая же грязная и потерянная во времени.

А что мне нравилось в этом городе больше всего, так это полное отсутствие магии. Каждый закоулок здесь был пропитан посредственностью, а волшебство таких мест не любит. Случалось мне, конечно, встречать и звездочетов или чують таинственные амулеты. Но я могла не беспокоиться по этому поводу: столь слабые магические следы не сильно раздражали мое новое чутье, и я могла легко их игнорировать – или с присущей мне вежливостью выдворять хозяина магического «хвоста» из города.

Иногда, гуляя по Лароссу, любясь зданиями, сложенными из охристого песчаника, и тенистыми садами, в которых зрели красновато-желтые груши, я размышляла о том, что ветер наконец перестал дуть мне в спину. Я в кои-то веки смогла остановиться и подумать. Но мне было отведено всего два года покоя...

Дверь с тихим скрипом отворилась. Я как раз стояла около зеркала и поправляла крепление брони. Он всегда входил так незаметно, словно не по полу ступает, а по воздуху. В зеркале отразилась высокая фигура: мужчина в лисьем шлеме, из-под которого выбивались пряди длинных светлых волос. В голове шевельнулось воспоминание о каком-то далеком сне.

Мы так и стояли: я около зеркала, а он – позади меня. Потом мысль о сне ускользнула, и я заметила, что шлема на нем нет. Ну, конечно, шлема же теперь не было.

– Знаешь, мне что-то похожее снилось. Ты, я, это зеркало.

– Я думал, ты не видишь снов, – мягко и вкрадчиво произнес мужчина у меня за спиной.

– Теперь нет. Но когда-то давно видела. – Я наконец застегнула неудобную застежку и протянула стоящему сзади свой фаранк. – Будь любезен, помоги завязать.

Я приподняла копну своих каштановых со светлыми прядями кудрей, и это позволило гостю дважды обвязать шарф вокруг моей головы. Каждый раз, когда его пальцы касались моей кожи, я вздрагивала. Его прикосновения все еще пугали меня до жути. Я боролась с собой, но тело подчинялось хуже разума, поэтому от каждого прикосновения по спине пробегали предательские мурашки.

Он, кажется, и сам это заметил и слегка и чуть виновато улыбнулся, скрепив концы фаранка изящным узлом.

Между тем среди одеял началось шевеление, и через пару мгновений над перинами и подушками показалась головка Аэле.

– Ну и дела, – проговорила она, удивленно уставившись на нас. – Я сплю-сплю, а меня никто не будит. Вы бессердечные. Любовь моя, который час?

– Два до полудня.

– Лис, ты просто великолепна, сегодня и всегда! Ну почему я не могу выглядеть как ты?

Я только вздохнула. В этом была вся Аэле. Для нее мир прекрасен, я великолепна, а каждое утро дарует новые надежды.

– Ты какая-то задумчивая сегодня, – заметил стоящий сзади.

– Вспоминаю, как мы познакомились, – призналась я.

Аэле даже подпрыгнула на подушках:

– Меня там не было! Но это ведь из-за шлема, правда? А я слышала...

– Т-с-с! – Один легкий жест, приложенный к губам палец, и наш ангел утомился. – Дай Лис остаться наедине с ее воспоминаниями. Местные служанки были так любезны, что подготовили для тебя горячую ванну в соседней комнате.

Девушка спорхнула с кровати и босиком в одной рубашке выбежала из комнаты. Вся ее жизнь была путешествием от одной ванны к другой.

Он же на мгновение задержался и, словно прислушиваясь к чему-то, сказал:

– Знаешь, когда я вошел, мне показалось, что зеркало отразило меня в шлеме. Забавно, да?

Потом он быстро взглянул на меня своими глазами разного цвета и вышел. В отражении зеркала он задержался чуть дольше, чем в реальности. На самом деле его уже не было ни в комнате, ни в коридоре, а в зеркале он обернулся и засмеялся, приложив палец к губам, точь-в-точь, как сделал минуту назад, успокаивая Аэле. Но я уже знала о паре его секретов и не

удивлялась. Правда, в ночь нашего знакомства догадаться о подобном было невозможно. Та ночь. Тогда я впервые ощутила новый порыв ветра.

ТОГДА

Как понять, когда крохотные колесики истории начинают вращаться? Как почувствовать тот миг, когда жизнь поворачивает раз и навсегда? Ты еще не знаешь, что произойдет в ближайшие часы, пьешь травяной чай, о чем-то размышляешь, а непреклонные колесики уже вертятся полным ходом, не оставляя тебе и шанса что-либо изменить.

Скорее всего, я была обречена уже в ту же секунду, когда переступила порог «Хлипкого моста» тем зыбким вечером. Для Ларосса холод был в новинку, и таверну забили до отказа желающие согреться и развлечься за партией в матицца или – кто поглупее – в кости. Трактирщик Эдри, мужчина со смоляными усами в пол-лица, расхваливал свой осенний эль, якобы выдержанный на кленовых листьях, двум заезжим вольным лучникам. В дальнем углу шла игра в кости, и как только я вошла, меня окликнул Вриан, высокий одноглазый парень. Склонившись над столом, он потряхивал стаканчик.

– Бешеная, сделаешь ставку?

– Не-а. – Деньги у меня были, но я не желала просаживать их в игре с шулерами.

– Что, яиц не хватает? Ах да, забыл – у тебя ж их нет! – Наемник расхохотался. Но даже его товарищи по игре не сочли шутку смешной.

– И почему вы, мужчины, так любите гордиться самой уязвимой частью своего тела? – пробормотала я, пробираясь к стойке. – Только стукни вас по яйцам, и вы рыдаете, как малые дети.

У Вриана были причины меня задирать. Неделю назад я отклонила его предложение разделить с ним не только добычу в выгодном деле, но и постель. Оскорбившись, он решил попытаться силой раздвинуть мне ноги, но в итоге чуть не потерял второй глаз и с тех пор дулся, словно обиженная девчонка.

Я села за стойку перед Эдри и вполуха стала слушать, как он нахваливает свой чудо-эль.

– ...вы во всем Королевстве не найдете такого божественного послевкусия!

– Ага, – фыркнул кто-то из завсегдатаев. – Привкус прелой листвы во рту, что может быть лучше?

Я протянула руку, чтобы взять у Эдри деревянную чашку с травяным чаем. Трактирщик знал, что я пью, и в отличие от всех прочих меня не задирал. Я была клиентом, и я платила – для него этого было достаточно. Но что более важно, Эдри был одним из немногих, кто своими глазами наблюдал бойню здесь полтора года назад. Он видел одиннадцать трупов, и это он принес мне, покрытой с головы до ног кровью, заказанный эль. Такой же лиственный эль, какой он предлагал сейчас двум бедолагам. Нас с Эдри не связывала дружба, но он относился ко мне лучше прочих.

Я пригубила своего чая. В голову упорно лезли непрошенные мысли о важных датах. Оставалось совсем немного до двухлетия со дня Взрыва. Первую годовщину я пропустила. В то время я пыталась собрать себя по кускам после особенно тяжелой битвы, отлеживаясь в верхней комнате «Моста». Ни о каких датах, разумеется, я не вспоминала. А когда сообразила, что прошел уже год. Ну, что я могла поделать – не возлагать же цветы на месте трагедии. Разве что подумать: «Ух ты, я прожила целый год».

В этот раз все было иначе. Моя жизнь, несмотря на все безумие и окружавшие меня смерти, упорядочилась. У меня завелись кое-какие деньги, наладились связи. Тренировки, бесконечные схватки и то, что я себя не щадила, тоже сделали свое дело: каждый новый

поединок, каждая дуэль уже не укладывали меня в кровать. Враги становились слабее, я – сильнее. Мое имя, между тем, было известным настолько, что я не голодала. А когда человек перестает голодать и страдать от ран, он начинает думать.

Два года, Войя подери, Атос бы удивился! Мир не сошел с ума и продолжал крутиться. Я пропускала мимо ушей все вести о монстрах, оживших сказаниях и чудесах, но не могла пропускать вести о Поглощающих. Черноволосой девушки с обжигающим взглядом среди них не появилось. Скорее всего, Сиазова лощина похоронила не только легион, но и амбиции Алайлы, рассеяв все в пыль.

Я была наедине с этими грустными мыслями и чашкой травяного чая, когда ощутила порыв ветра, влетевший в открытую дверь. В «Хлипкий мост» вошел чужак в длинном плаще. Из-под капюшона виднелись только тонкий острый подбородок да боковинки шлема. Гам не утихнул ни на миг: на вошедшего никто не обращал внимания. Но только не я.

Магия не любила Ларосс. Все мистические силы любят места, пропитанные людской верой: это благодатная почва для колдунов, предсказаний, амулетов и прочей магической чуши. Ларосс же был самым обычным портовым городом, пропахшим дешевым табаком, невымытыми телами и рыбой. Люди здесь не верили и не молились, поэтому все магическое, в свою очередь, старалось не замечать Ларосса и обходить его стороной.

Этот чужак оказался исключением. От него буквально разило светлой магией. Насколько сильную ауру я видела впервые. Он словно светился изнутри, пульсировал сияющим светом с розоватыми прожилками. Мне захотелось вжаться в стойку, слиться с ней и остаться незамеченной этим светом. Полагаю, это тьма отзывалась во мне. Между тем чужак громко произнес:

– Мне сказали, что здесь я могу нанять пару крепких парней.

Эдри отвлекся от разговора и ответил:

– Правильно сказали, правда, еще ведь и понять надо, для чего нанять.

– Да для чего угодно, – подал голос из своего угла Вриан. – Хоть людей резать, хоть твою кобылу под хвост целовать. Только плати.

Незнакомец лишь мягко улыбнулся, словно оценил грубую шутку.

– Мне надо пройти Янтарный перешеек. Я ищу сопровождение.

– Ты бы вынул голову из задницы, господин хороший, и послушал последние вести, – любезно предложил бармен. – Янтарный перешеек сейчас во власти тьмы. Там уже полгода как Удел Мрака. Ближайший ход на юг по тропе Чирроса, но там нужен опытный проводник. Я могу посоветовать пару крепких ребят. Не за спасибо, разумеется.

– Мне нужен именно Янтарный перешеек. Я спешу, и я иду не один. Мне требуется наемник, чтобы присматривать за моей спутницей.

– Да ты с ума сошел, что ли, парень, – разозлился Эдри. – Еще и бабу в Удел собираешься тащить. Говорят же тебе, там Поглощающий.

Не знаю, когда именно завертелись шестеренки судьбы. Может быть, в ту самую секунду, когда незнакомец скинул капюшон и в свете масляных свечей блеснул столь знакомый мне матовый металл.

На чужаке был лисий шлем, тот самый, что достался мне после того как я впервые убила человека: смешной, с крыльями-ушами и прорезями для глаз. Этот шлем скрывал мое лицо и мою личность от легионеров Алой Розы. Именно в нем я познакомилась с Атосом и Кэрком. И именно рыжеволосый командир, одержимый духом злобного артефакта, сбил его с меня, открыв всем мою девичью суть. Своего стального друга я оставила в гостинице Штольца,

когда мы с Атосом убегали от разъяренных горожан, а потом просто о нем забыла.

Сомнений в том, что это мой шлем, быть не могло. Ведь второго такого попросту не существовало. Поправив шлем на голове, незнакомец громко сказал:

– Я не боюсь Поглощающих.

Но на него уже махнули рукой, и «Мост» вновь потонул в людском гомоне. Никто из присутствующих не видел того, что видела я. Излучающую свет высокую фигуру в моем потерянном шлеме. Призрак из прошлого, который когда-то мне снился, пока сны не прекратились.

– И сколько ты дашь за переход по Янтарному перешейку?

Я поднялась, чтобы незнакомец понял, кто к нему обратился. Прибыв в Ларосс, я первым делом заказала сапоги на высоком и широком каблуке. Пожертвовав скоростью и устойчивостью, я приобрела высоту положения во всех смыслах этого слова. Мужчинам легко вести спор с тем, кто ниже их, но с Бешеной Лисицей одного с ними роста стоит держать ухо востро.

– А сколько ты попросишь?

Незнакомец изучал меня сквозь прорези шлема. Неужели я выглядела в нем так же нелепо? Всегда считала, что шлем добавлял мне загадочности.

– Твой шлем и историю, как он к тебе попал.

Вриан засмеялся и поперхнулся своим пивом.

– Смотрите-ка, Лисица захотела лисьей шапку, – прокашлявшись, сказал он.

– Ну, так что? – Я проигнорировала жалкого дурака, сосредоточившись на возможном нанимателе.

– Я должен говорить, что это опасно? И что вряд ли путешествие закончится на Перешейке?

Незнакомец улыбался так искренне, что я не могла сдержаться. Уголки рта предательски подрагивали, и лишь усилием воли я придала своему лицу суровый вид.

– Я люблю приключения. И Поглощающих. И опасность.

Незнакомец развернулся и, движением руки пригласив меня следовать за ним, вышел в сгущающиеся сумерки. Я двинулась к выходу из «Хлипкого моста», перед дверью обернулась и оглядела прокуренное помещение. Полтора года этот трактир был для меня домом, местом, где мне предлагали работу, столовой, игровой – всем вместе. На душе стало тоскливо. Казалось, стоит мне выйти за порог с этим чужаком, и я больше никогда не увижу ни лысеющего Эдри, ни задиру Вриана с его игральными костями, ни братьев-акробатов Цимм, ни старушку-самогонщицу Джудит, да всех их. Этот этап жизни закончится, едва я перенесу носок сапога за порог.

Голова слегка кружилась. Я стояла в нерешительности. Сделать шаг за дверь трактира вдруг оказалось очень непросто.

Внезапно из-за двери возникла рука в белой перчатке. Незнакомец схватил меня за пальцы и буквально выдернул за порог. Гам «Моста» сменился оглушающей тишиной, а шестеренки истории закрутились, как бешеные.

* * *

Мы быстрым шагом двигались по грязным мостовым, мимо спящих бродяг и гуляющих

девок. В Лароссе, как и многих портовых городах, ночная жизнь кипела, и каждый день с наступлением сумерек в воздухе начинал куриться какой-то манящий аромат опасности.

Минуя грушевые сады, где у деревьев листья свернулись от внезапных холодов, минуя высокие каменные ограды богатого района, мы спускались к гавани. Вокруг мелькали тени, а из-под наших подошв разлеталась брызгами грязная вода.

Незнакомец продолжал вести меня, а я не могла просто выдернуть руку. Слишком многое это мне напоминало. И поход на ярмарку с матерью, которая страшно боялась потерять семилетнюю любознательную дочку и сжимала мне пальцы так сильно, что они белели. И моего Принца, часто за руку проводившего меня по бальному залу замка своего лорда-отца. И то, как я сама схватила еще чужого и странного для меня Атоса и силком потащила его на боевую площадку в тот первый день, когда смогла сдержать удар.

Тепло человеческой руки дарит так много, но мы так редко это замечаем. На человеке в моем шлеме были белые кожаные перчатки, и я не ощущала тепла. Но мне хотелось верить, что рука у него теплая.

Мы проходили квартал за кварталом в полном молчании. Наконец я не выдержала:

– От тебя несет светом на километр вокруг. Ты, что, Сияющий?

Он даже не обернулся, чтобы взглянуть мне в лицо, однако ответ последовал незамедлительно:

– А от тебя разит тьмой. Может, ты Поглощающая?

Я рассерженно выдернула ладонь из его руки. Эти игры.

– Я была облучена. Примерно два года назад. Несчастный случай на севере. Но то, что ты видишь следы этого, только подтверждает твою связь с магией.

– Два года. – Он продолжал быстро идти. Похоже, вести разговор, не глядя в лицо собеседнику, было ему привычно. Я же едва поспевала за ним. – Сиазова лощина, да?

– Да, а что с тобой?

– Тоже что-то вроде несчастного случая. И возвращаясь к твоему вопросу – нет, я не Сияющий. Я смеюсь, дышу, во мне течет кровь, а мое сердце бьется.

– А у них не бьется?

– Если честно, понятия не имею. Ни разу не видел Сияющего со вскрытой грудной клеткой.

Он остановился так резко, что я чуть на него не налетела. Это был самый странный мой знакомый за долгое время. Люди, окружавшие меня в Лароссе, все были с причудами, но в основном это были причуды безобидные – вроде жадности или трусости. А этот парень говорил так, словно придумывал слова на ходу, лишь бы не скучать.

Он развернулся и впервые за весь разговор посмотрел прямо на меня. Я не видела его глаз, скрытых тенью от шлема, зато хорошо смогла разглядеть в свете зарождающейся луны острый и худой подбородок без намека на бороду и бледные губы, растянутые в улыбке.

– Зачем тебе шлем? – спросил незнакомец.

– Как тебе такой ответ: это мой шлем. Хочу его назад. – Я пыталась рассмотреть его лучше, но всполохи белой магии, словно змейки, перебегали с его плаща на лицо и шлем, а затем дальше начинали виться по телу. Это безумно отвлекало.

– Вот это новость. Я считал, он мой.

– Теперь, наверное. Но когда-то он был моим. Готова биться об заклад, ты нашел его в Штольце. Хотя ума не приложу, зачем он тебе. О боги, да ведь он почти развалился. Потертый, словно его Войя задницей жевал. Уши и те висят!

– И вправду, вид идиотский, – согласился мой собеседник, потрогав рукой одно из стальных ушек. – Почему ты думаешь, что это ухо?

– Шлем-то ведь лисий, логично, что это – ухо. – сказала я раньше, чем подумала. Как глупо это прозвучало! Незнакомец мог рассмеяться или просто посчитать меня деревенской дурочкой, но он лишь кивнул.

– Лисий, невероятно. Кто бы мог подумать. Видишь ли, когда-то давно этот шлем принадлежал мне, а потом его украли. Это точно была не ты, а какой-то бездарь-наемник. Так что если ты прикончила этого наемника и забрала у него мой шлем, я не в обиде. А ведь ты его прикончила, верно? – Он склонился надо мной. И хотя я не видела его глаз, мне показалось, что он заглядывает прямо мне в душу, словно зачерпывая ее ложкой на пробу. Я оцепенела, а он продолжил: – В любом случае уговор есть уговор. Мы идем на юг через Янтарный перешеек. Как только окажемся на той стороне – ты получишь свой шлем.

Я зачарованно кивнула, но потом тряхнула головой, и его трюк с выворачиванием моей души закончился.

– Провернешь еще раз что-то в этом духе, я тебе лицо разобью, – пригрозила я. Чего в моей жизни не хватало, так это копания в моей бедной голове.

– А что я такого сделал? – невинно спросил незнакомец, а затем добавил:

– Слэйто.

– Это какое-то ругательство? – с подозрением спросила я.

– Если только в очень далеких странах. Но здесь и сейчас это мое имя. Я – Слэйто, а ты.

– Бешеная Лисица, во всяком случае так меня тут называют. И ты можешь.

– Слишком длинно. Я буду звать тебя просто Лис, идет?

И, не дожидаясь моего ответа, Слэйто направился по высеребренной лунной улице к гавани.

* * *

Они вышли из тени, словно от нее отделилось темное облако. Эти ребята всегда хватали лишку с эффектностью своих появлений. Хриплый голос приказал нам остановиться и прибавил:

– Опасное время и место вы выбрали, чтобы погулять, господа. Оставьте свои денежки на земле и уходите, и тогда мы не будем потрошить вас, словно макрель.

– Предоставляю все тебе, – внезапно сказал Слэйто, отступив от меня на пару шагов. – В конце концов, я же не знаю, насколько ты хороший воин. Для моей миссии мне требуется отличный наемник. Если справишься со всеми тремя, считай, что ты нанят.

Ох уж эти мужчины. Глупы, по большей части.

Я вышла на залитую ровным лунным светом середину улицы, чтобы меня было хорошо видно и слышно, и громко сказала:

– Добрый вечер, Крейг. Приятно видеть тебя в добром здравии.

– М-мадам Лисица? – судорожно сглотнув, выговорил один из грабителей.

– Именно. Как поживают твои дочурки? Надеюсь, ангина у них прошла?

– Д-да, госпожа. Мы не знали. Мы ж это, просто хотели.

– А кто это у тебя за спиной? Неужели это так вырос Лука, мальчишка, прибывший на корабле с юга?

Вся троица грабителей попятилась, намереваясь снова скрыться в тени.

– Третьего я не знаю. Но узнаю. Даю вам слово. А теперь взяли свои задницы в охапку и исчезли с глаз моих. Сегодня ночью у вас неудачный лов – расходитесь по домам. Тем более я знаю, где ваши дома. И я знаю, где спят твои жена и дети, Крейг. Ну, чего ждете? Бегом!

Ответом мне стал гулкий топот трех пар пяток по мостовой. Имя Бешеной Лисицы в Лароссе вызывало много ассоциаций, но в основном оно символизировало смерть. Я приучила людей относиться ко мне серьезно.

– Дети? Ты бы могла убить детей? – Слэйто поднял с земли шапку, слетевшую с головы одного из незадачливых грабителей, и, поворачивая, осматривал ее со всех сторон.

– Не смогла бы. Но им об этом знать необязательно.

– Техника обмана противника, которую используют ока. Как и твоя одежда. И в твоей речи слышится сильная примесь заокраинского языка. Это очень интересно. Ты интересна.

– Ну, так что? Я прошла проверку?

Мы медленно двинулись вниз по улице. Налетевший порыв ветра с запахом гниющих водорослей подсказал, что море уже близко. Из-за этого чертова ветра я часто ходила в Лароссе с мокрым носом. Простуда стала моей извечной заботой.

– Проверка? Хм, да ведь я так и не узнал, как ты владеешь мечом. Впрочем.

Он молниеносно обнажил свое оружие и атаковал меня. Хотя что значит «молниеносно». Наверно, ему так показалось, и он был доволен собой пару мгновений. А потом я выбила у него из рук его тарасийскую саблю с витиеватым узором на клинке. Мне даже не потребовалось доставать меч из ножен, хватило кинжала. Холодная острая сталь коснулась горла моего нанимателя, а колено вдавилось ему в живот. Я прижала Слэйто к каменной стене.

– Теперь ты убедился?

– Блестяще, – ответил он сдавленно. Но Слэйто словно и вправду был рад и не горевал из-за своего позорного поражения. – Так быстро. Здорово. Научишь как-нибудь?

– Просто не направляй на меня оружие.

Он нагнулся за саблей и поспешно убрал ее в ножны на красивой перевязи, которая мелькнула под плащом. И не сказав больше ни слова, пошел дальше по улице.

Мы остановились перед небольшой гостиницей. Точнее, не совсем гостиницей. Из-за непомерно высоких налогов на этот вид деятельности в портовом Лароссе действовало всего три официальных постоянных двора. Поэтому многие местные жители предпочитали зарабатывать тайно, предлагая ночлег и стол любому, кто мог за это заплатить. Этот дом был одной из таких частных ночлежек. Я не знала хозяев, но была осведомлена, что комнаты здесь сдаются. Выглядел дом мило, окна и чугунная решетка были увиты цветущей глицинией. Хотя сильный сладкий аромат немного раздражал.

Встав перед дверью, Слэйто развернулся ко мне. Хотя я и считала его немного безумным, но уже успела привыкнуть к его быстрой речи, неожиданным словам и тому, как резко он останавливается или обрывает разговор. Словом, это меня не удивило, я приготовилась слушать, и долго ждать не пришлось.

– Лис, – заговорил Слэйто, – я должен тебе сказать очень важную вещь. Сейчас я познакомлю тебя со своей невестой, с которой мы вместе путешествуем. Это самое... нежное создание на нашей грешной земле. Я уверен, что ты сочтешь ее немного странной.

– После тебя? Ну что ты.

– ...но, тем не менее, тебе надо кое-что знать. Просто представь, что есть люди, которых

надо защищать сильнее, чем прочих. Защищать так, чтобы ни один волос не упал с их головы. Словно они святые или от них зависит судьба мира. Моя невеста, Аэле, именно такая. Ты полюбишь ее. – Он помолчал, словно что-то обдумывал. И прибавил: – Ее невозможно не полюбить.

– Это все очаровательно, но меня не заботят ваши сахарные взаимоотношения. У меня есть задание: перевести вас через Янтарный перешеек. Это все, что мне нужно знать.

– Ты не поняла, Лис. – Слэйто явно подбирал слова. – Что бы ни случилось, какой бы враг ни напал на нас – надо, чтобы Аэле уцелела. И если я погибну на Перешейке, ты должна будешь довести ее до определенного места.

– Господи, неужели ты думаешь, что оригинален? – Я вздохнула, взглянув на видимую часть его лица. – Все влюбленные парни такие. Я умру, но моя любовь должна выжить. Ну-ну. Я поняла тебя, пойдем уже.

Я даже не заметила, когда он снял перчатки. Слэйто разминал свои тонкие пальцы, не крестьянские и не пальцы воина, и смотрел на них. Внезапно мой новый знакомый схватил меня за запястье. Ледяной, могильный холод пронял меня до самых костей. Я была так ошарашена температурой его тела, что не могла ничего сказать, застыла с открытым ртом.

– Если Аэле умрет, мир в самом деле рухнет, Лис. Поэтому я полагаюсь на тебя.

Он отпустил мое запястье и открыл дверь в гостиничный дом. Изнутри донеслось приятное женское пение, слышались детский смех и лай собаки. Тепло и запахи вкусного ужина переливались через порог. А на пороге стоял Слэйто, темная тень с мертвенно холодными руками. До этого мгновения мне не было страшно, и я думала, что приключение будет веселым. Но сейчас впервые задумалась, есть ли у меня возможность отказаться от этого путешествия.

* * *

Аэле сидела в окружении детей хозяйки, и, казалось, все внимание мира было сосредоточено на хрупкой фигурке девушки. Меня представили ей несколько минут назад, но было чувство, что я знакома с ней уже пару лет. Юная и свежая, как утренняя роса, Аэле излучала счастье. Она была в восторге от знакомства со мной. Ее радовало то, какая я симпатичная, и какой у меня меч, и какие сапоги. Все казалось ей чудесным и прекрасным. Она лишь слегка огорчилась из-за того, что ей надо закончить рассказывать детям историю прежде, чем уделить внимание новой гостье:

– ...и тогда Слэйто прочел заклинание, и молния поразила огромного осьминога! Бум-бум! И это омерзительное создание скрылось под водой. А наш корабль продолжил плавание, и уже через неделю мы были в Лароссе.

– Какая чудесная сказка! – захлопала в ладоши старшая из девочек.

А я между тем поймала на себе испуганный взгляд хозяйки дома. Она явно знала, кто я такая. А Бешеная Лисица у вас дома – это плохие новости: плохо для торговли, для безопасности. Я почувствовала себя чумой или холерой, заразной болезнью, посетившей этот дом.

– Это была не сказка, – возмущенно потрянула золотистыми кудрями Аэле. – Это правда!

– Милочка, – заохала хозяйка. – Да ведь если это правда, то добрый господин не кто иной, как маг.

– Поффлоссяюсий, – добавил сопливый малыш, сидевший ближе всего к очагу, наполненному тлеющими углями металлическому углублению в полу. Отапливаемый дом был редкостью для Ларосса, самого южного из северных городов, как бы странно это ни звучало.

– А разве я не похож на мага? – уныло спросил Слэйто. – Ну-ка марш в кровать, детишки, а то заколдую вас всех! – С этими словами он бросился ловить детей, а те с визгом и криками побежали от него во внутренние комнаты.

Аэле поднялась. Все это время я пыталась понять, сколько же ей лет на самом деле. Сейчас, когда дети убежали, а она наблюдала за тем, как Слэйто в развевающемся плаще, словно черная летучая мышь, помчался за ними, девушка выглядела старше – может, даже моей ровесницей. Но вот она обернулась ко мне, и ее лицо снова приобрело детское выражение.

– Лис, так ведь? Нам предстоит небольшое путешествие. Слэйто сказал, что этот переход может быть опасен, но он вечно все драматизирует.

– Думаю, на этот раз ваш жених прав, – ответила я. – Янтарный перешеек спокоен, там много магии, а встреча с ней редко заканчивается добром.

Она отмахнулась, словно это был пустяк.

– Скажи, Лис, ты когда-нибудь влюблялась сильно-сильно?

Я растерялась. За последние годы мне приходилось сталкиваться с ворами, убийцами, насильниками, просто тупыми выродками, хитрецами, лжецами всех мастей, но ни разу с кем-то вроде Аэле. Она так свободно перешла к общению на «ты», словно никаких границ не существовало вовсе. Я абсолютно точно представляла, как выгляжу. Сколько на мне шрамов, как запылена моя одежда – я не должна была вызывать симпатию у маленьких опрятных девочек в платьях с бантами. Но этот котенок плевал на всякие условности.

И вопросы. О боги, кто вообще задает такие вопросы при первой встрече? Но самое удивительное, что солгать ей я почему-то не могла.

– Да, но это плохо закончилось.

– Как жаль, – вздохнула Аэле, словно ей и вправду было не все равно. – Любовь должна приносить радость.

Я ждала, что она сейчас поведаст историю своей любви к жениху, но ничего не последовало. Аэле словно удовлетворила свое любопытство и забыла про наш разговор. Взяв кочергу, она ворошила угли в очаге. Затем девушка неожиданно задала еще более странный вопрос:

– А ты любишь сказки, Лис?

– Ненавижу. С некоторых пор стараюсь их не слушать. – По спине прошел холодок. – В них слишком много от жизни, как оказалось.

– Просто. – Аэле помедлила, потом вскинула свою хорошенькую головку и засмеялась: – Прости, просто мне показалось, что я слышала сказку о тебе. Когда-то очень-очень давно.

– Вряд ли о таких, как я, складывают сказки.

Я позволила себе улыбнуться. Это светлое дитя. Не вполне верилось, что она вообще принадлежит этому миру. Ох уж этот Слэйто! Знает ли он, как ему повезло с невестой? Ее и вправду невозможно не любить.

– Если когда-нибудь изменишь свое отношение к сказкам, я тебе расскажу эту историю. – Аэле заговорщицки подмигнула. – А теперь нам пора.

– Куда пора? – растерялась я. – На дворе ночь.

— А Слэйто тебе не сказал? Не объяснил, почему мы идем по Янтарному перешейку, а не общими дорогами?

Я помотала головой и заметила, что мой наниматель уже вернулся и следит за нашим разговором, прислонившись плечом к дверному косяку и скрестив руки на груди.

— Счет идет на дни. Мы очень торопимся на юг. Время так и бежит. Утекает сквозь пальцы. Прямо как песок.

#Волк третий

Я хорошо помнила ту ночь, когда мы покидали Ларосс. Несмотря на стылый воздух и облачка пара, вырывавшиеся у нас изо рта, от земли исходило странное тепло. Мы направились в работавшие и ночью Красные конюшни, чтобы взять пару резвых лошадок для горной переправы. Это был новый вид заработка предприимчивых жителей Королевства: предоставить лошадь напрокат в одном месте и принять ее в конечном пункте вашего путешествия. Поначалу казалось, что замысел обречен на провал. В стране война, а бандиты и воры только и помышляют, как бы увести хорошую лошадку. Да вот только люди, которые затевали Красные конюшни, знали, с чем им придется столкнуться. По обе стороны гор Хаурака не было более мощной гильдии и более сильного братства, чем «лошадники» – и они выслеживали конокрадов и тех, кто «забывал» вернуть животное в стойло, когда срок договора истекал. Даже я, насколько бы сумасшедшей ни была, не рисковала напрямую сталкиваться с этими хмурыми парнями в красных рубашках. Истории, которые про них рассказывали, были более жуткими, чем страшилки ратарана, и гораздо более правдивыми.

Мои новые клиенты, Слэйто и Аэле, взяли на себя все расходы по аренде лошадей, и город мы покинули верхом на трех каурых тонконогих трехлетках. Я уже привыкла не привязываться к лошадям. Мне их приходилось менять чаще, чем чередовались сезоны, а иногда они погибали. Собственно, я привыкла не привыкать к чему бы то ни было. Даже будь то особенно вкусное кушанье или частые прогулки по одной и той же дороге. Каждая такая «зацепка» делала меня слабее. Когда есть что-то, что тебе дорого, значит, есть что терять. А когда тебе есть что терять, не сомневайся: ты это потеряешь. А от потерь бывают только боль, разочарование, дурные мысли и несвежая кожа лица.

Поэтому я покидала Ларосс с легкой душой. Я слишком задержалась в этом городе. Теперь за его стенами воздух показался мне свежее, а впереди меня ждало множество дорог и городов: целый мир. Оставалось только довести сумасшедшую парочку до конца Перешейка, и можно было отправиться в южную столицу земледелия Харам или сесть в порту Тонхи на корабль и отплыть на острова. После двухлетнего перерыва целый континент вновь раскрылся передо мной, словно бутон диковинного цветка.

Когда мы выезжали из города, Аэле говорила без умолку: о погоде, луне, дуновении ветра, гриве ее лошади, пыли из-под копыт, вчерашнем завтраке и грядущем дне. Эту маленькую перепелку невозможно было заставить замолчать. Да и почему-то не хотелось – при всей её наигранной восторженности, она была простым и милым ребенком, довольно искренним и добрым в своих мыслях. Ее щебетание занимало разум и вытесняло тревожные мысли.

А тревожиться было о чем. Чем дальше мы удалялись от Ларосса, тем авантюرنее мне казалась затея с пересечением Янтарного перешейка по уделу Поглощающего. Никто из этих двоих и словом не обмолвился, куда они так спешат. Но, видимо, торопились влюбленные изрядно, раз даже Высший черный маг их не пугал. Я не могла назвать разговорчивость Аэле болтливостью, ведь получить от нее ответы на конкретные вопросы мне так и не удавалось. Может, сказывалось и то, что я подрастеряла навыки светского общения за два года наемнической жизни.

Выходит, мне стоило чаще вглядываться в свое отражение в зеркале и следить за тем, как я говорю с посторонними. Мои короткие реплики и суровый взгляд исподлобья все больше и

больше напоминали мне одного человека. Его последним желанием стало никогда не увидеть в Лисенке самого себя. Посмотри он на меня со стороны сейчас, расстроился бы. Не осталось ни Лисенка, ни Волчонка.

Так мы и ехали. Я молчала, Аэле говорила и говорила, словно ей и не требовался сон, а Слэйто и вовсе читал какую-то небольшую книжицу в кожаном переплете. Ему не мешало ни отсутствие света, ни передвижение верхом, ни неровная дорога. Он погрузился в чтение, хотя ночь была довольно темной, и молчал. Я даже задумалась, не дает ли ему достаточно света для чтения свечение белой магии, что окутывает его с головы до ног.

Мы въехали на высокую насыпь. Где-то внизу ветер колыхал пшеницу на крестьянских полях. Из-под копыт то и дело вылетали камешки и скатывались вниз, увлекая за собой песок и мелкую пыль. Наступал мой любимый час – я называла его изломом. В какой-то миг ночной воздух начинает пахнуть рассветом. Сложно описать этот запах, он неповторим. Это аромат приближающегося утра: немного росы на листьях, запах пылинок, танцующих в воздухе, свежесть, пощипывающая кожу. Хотя нас окружала темнота, я уже знала: утро совсем близко.

Внезапно снизу, со стороны поля, послышался крик, затем еще один. Потом донесся звук тяжелого удара, за которым раздался громкий женский плач. Мы со Слэйто продолжали ехать, когда до меня дошло, что Аэле натянула поводья и остановилась.

– Там что-то происходит, – тревожно проговорила девушка, вглядываясь во тьму. – Женский плач, я его слышу.

– Должно быть, кого-то грабят, – спокойно сказала я.

– Здесь такое бывает, – буркнул Слэйто, не отрываясь от книжки. Он так и не снял шлем, и я уже придумала пару причин, почему он скрывает свое лицо. Пока я склонялась к тому, что у него угревая сыпь и косоглазие.

Аэле уставилась на нас недоуменно. Она выглядела так, точно не понимала, как вдруг оказалась в подобной компании.

– Там кого-то грабят, – прибавила она. – Разве это не значит, что мы должны помочь?

– Мы спешим, солнышко. Нам еще предстоит проехать много миль. А злых людей внизу может оказаться много, и они могут быть серьезно вооружены, – мягко начал увещать ее жених. Кажется, до Слэйто наконец дошло, что без уговоров не обойтись.

Я просто молчала. Наемникам и за это платят.

Глаза Аэле в темноте начали поблескивать. Я подумала, что это слезы, но ошиблась. Сапфировые глаза метали молнии и сияли праведным гневом:

– Я не верю своим ушам. Там люди! Там женщина плачет, а мы просто проедем мимо?!

Словно в подтверждение ее слов снизу донесся протяжный стон.

Я не могла объяснить этой маленькой пичужке, что означает для меня скорлупа грецкого ореха. Что когда сердцевины не остается, перестаешь жалеть не только себя, но и всех остальных. Способность к сопереживанию отмирает. Смерть, боль, страх – все это становится просто частью жизни. Иногда твоей, а иногда чьей-то чужой. Как было это вместить в одно предложение?

Аэле бросила взгляд на Слэйто, но лошадь свою подвела именно ко мне. Она взяла меня за кисть своей маленькой ручонкой, как у нормальных людей, и заглянула мне в глаза:

– Лис, ты ведь совсем не такая. Надо помочь. Ты можешь помочь.

Я могла попытаться объяснить ей про скорлупу ореха. Могла рассказать про Взрыв и про то презрение, какое испытывала к себе и всему прочему миру. Но я почему-то не могла

разочаровать ее. «Есть люди, которых надо защищать сильнее, чем прочих... Словно они святые, или от них зависит судьба мира.», недавно сказал Слэйто о своей невесте. Где-то под моей броней пришел в действие какой-то позабытый механизм. И вслед за этим я ощутила мерный стук в груди. Удар, еще удар. Полный отчаяния крик разрезал темноту. Сердце, а под кольчугой забилося именно оно, болезненно сжалось. Чертыхнувшись, я дернула поводья и направила лошадь вниз по склону.

У подножия насыпи лежал перевернутый крестьянский фургон. Начинало светать, и мне хватило быстрого взгляда, чтобы оценить обстановку. Мужчина, вероятно, погонщик, убит – лежит с проломленной головой около колеса. За фургоном прячется ребенок, девочка лет двенадцати. Справа – потасовка. Два мерзавца пытаются разорвать одежду на лежащей на земле женщине. Бедняжка плачет и сопротивляется, но что она может.

– Эй, мерзкие хари, даю вам один шанс уйти отсюда, и то потому, что не хочу марать о вас свой меч!

Мужчины обернулись на мой окрик, и один из них растянул щербатый рот в улыбке:

– Смотри-ка, еще одна щель. На коне. Хороший конь, мы за него выручим пару монет.

– Девка тоже ничего, – заметил второй, поднимаясь с земли и вытирая длинный кинжал о штанину. – Давай и ее опробуем.

Иногда объяснения и споры – это слишком долго. Да и не нужно. Эти двое уже заслужили свой ад. Пока поднявшийся делал ко мне два шага, я выхватила метательные ножи из кармана на ремне и метнула их ему в лицо. Один нож с чавкающим звуком вошел в глаз, а другой лишь оцарапал разбойнику скулу. Тот завыл – видимо, сила броска оказалась невелика, чтобы прикончить его. Я мысленно прокляла свою оплошность и, обнажив меч, подъехала и рубанула его по горлу – ударом снизу вверх.

В светлеющий воздух брызнула кровь. Темные, казавшиеся черными горячие капли попали на лошадь, которая вряд ли когда-то бывала в бою, и напугали ее так, что она чуть не запуталась в собственных ногах.

Чтобы не испортить дело, хотя я и так уже сплеховала, пришлось спешиться. Второй мерзавец оказался безоружен, свой топор он, по-видимому, оставил около убитого им мужчины. Насильник метнулся за оружием, но я свалила его в прыжке и вонзила меч сквозь ребра ему в сердце. В этот раз удар оказался достаточно точным, и мой противник сразу же затих.

Поднявшись, я огляделась. Женщина, поскуливая и всхлипывая, на четвереньках подползла к телу мертвого погонщика и теперь пыталась вдохнуть в него жизнь, припав к его мертвым губам. А вот девочка странно жестикулировала, словно махала мне ладошкой. Я слишком поздно сообразила, что она указывала на что-то у меня за спиной.

Я почувствовала сильный толчок и жжение под лопаткой и удивленно обернулась. Третий разбойник, вероятно, ходивший в поле по нужде и не до конца натянувший штаны, сейчас пытался перезарядить арбалет. Я словно в тумане завела руку за спину: арбалетный болт торчал из моей лисьей брони. Оценить, насколько глубоко он вошел, мешал шок.

Между тем, пока я осознавала, что меня подстрелили из арбалета, разбойник со спущенными штанами умудрился перезарядить свое оружие. Он вскинул его, и я заметила, что по лицу его от страха бегут слезы. От спуска тетивы и удара болта в грудь меня отделяло короткое мгновение, но тут мой противник вдруг пошатнулся. Без видимой причины он просто побледнел и рухнул лицом в землю.

К фургону приближались на лошадях Слэйто и Аэле. Мой наниматель спешил и

оглядел мертвое тело.

– Сердце не выдержало, – заключил он спокойно, словно был королевским лекарем. – Слишком много алкоголя и табака.

Пытаясь не думать об арбалетном болте у меня в спине, я миновала воющую женщину и дошла до фургона. Девочка сидела все там же.

– Не бойся. – Я протянула ей руку. – Теперь все будет в порядке.

Она подняла голову, и то, что я увидела, заставило меня отшатнуться. У девочки было не человеческое лицо, она обратила ко мне морду выдры или бобра, с ослизлыми щеками и выступающими вперед зубами. Желтые усы торчали из бурых от меха щек. Она скалилась от злости, и лапка, именно лапка с когтями, рассекла воздух возле моей протянутой ладони.

Женщина вдруг приподнялась над телом мужа и огляделась по сторонам. Увидев меня возле своего ребенка, она закричала:

– Уходите, просто уходите!

Она подбежала и, с силой оттолкнув меня, закрыла девочку-монстра своим телом.

Я ошарашенно отошла. Слэйто и Аэле наблюдали за происходящим издалека, не решаясь подойти.

Монстр-ребенок? О подобном я даже не слышала. Кто она, почему пыталась помочь мне, и что, Войя возьми, происходит в Королевстве?

Ко мне приблизился Слэйто.

– Думаю, мы должны оставить этих двоих, теперь мы им уже ничем не поможем. А у тебя из спины торчит болт. – Он положил руку мне на плечо. – Если это увидит Аэле, она в обморок упадет.

– Я сама в обморок упаду, – раздраженно ответила я. – По ее дурацкой прихоти мне пришлось ввязаться в драку.

– Но все же. Стрелу надо достать. На ней может быть яд.

Он говорил спокойно, но уверенно. Правда, смысл его слов я воспринимала с трудом.

– Достать? Ты же не.

Одной рукой упершись мне в плечо, другой он потянул арбалетный болт на себя, и стрела вышла из моего тела через насквозь пробитую броню. Меня пронзила резкая боль, и я пошатнулась. Однако Слэйто поддержал меня, не позволив упасть, и заключил в объятия. Сердце гулко билось, сильное жжение разлилось у меня под лопаткой, а еще я чувствовала холодное дыхание Слэйто на своей щеке. Холодное, как его руки.

Происходящее казалось то ли кошмаром, то ли горячечным бредом. Дети-монстры, мой лисий шлем и этот чудак, коварное предательство моей брони и стрела у меня в спине. Я засмеялась, запрокинув голову и видя, как над нашими головами разлился тонким слоем холодный розовый рассвет.

* * *

Это все, конечно, было чересчур. В меня и раньше летели стрелы, но обычно лисья броня, изготовленная Бороном в токоне из самого крепкого заокраинского серебра, выдерживала. Сегодня же то ли расстояние оказалось совсем небольшим, а арбалет достаточно мощным, то ли просто богиня удачи Горуда на миг отвернулась. Лишь кончик стрелы вошел мне в тело, в моей жизни бывали травмы гораздо серьезнее. Но пострадала

моя гордость.

Меня наняли для защиты Аэле, а я успела поймать арбалетный болт в спину, еще даже не доехав до проклятой обители Поглощающего. Великолепно. Аэле, узнав о случившемся, разумеется, принялась корить себя, как и положено доброй душе, и пожелала немедленно промыть и перевязать рану. Я твердо возразила, и девушка согласилась подождать до привала через пару часов.

Так мы и ехали. Я – в печальных раздумьях о своей позорной невнимательности, Аэле – сходя с ума от беспокойства за мою жизнь, а Слэйто – уткнувшись в книгу. Вся его любезность ограничилась вытаскиванием арбалетного болта. У меня было дурное настроение. А обычно именно в этом расположении духа люди пристают к другим с неприятными вопросами. Я даже не могла толком себе объяснить, почему на него злюсь: Слэйто сделал правильно, вынув короткую стрелу из раны. На наконечнике и вправду мог быть яд, да и не дело ходить с болтом в спине. Но я злилась, поэтому и прицепилась к нему.

– Почему ты постоянно в шлеме?

Он закрыл книгу и взглянул на меня удивленно. Вернее, я подумала, что удивленно, так как разглядеть в прорезях шлема, что выражают его глаза, было невозможно.

– А почему бы и нет?

– Это глупо – все время носить шлем.

– Но ты именно так и поступала, когда им владела.

Я стиснула зубы. Он не мог знать таких вещей. Как именно я носила лисий шлем, то, что я убила его предыдущего владельца. Не мог – и точка! Но он знал, и откуда, спрашивать было бесполезно. Слэйто был сильно пропитан магией: белые всполохи вокруг него не прекращали своего танца ни на минуту. Возможно, мой наниматель обладал даром предсказаний и чтения прошлого, как многие ока?

– Я носила его, чтобы скрыть, что я девушка. Ты же не девушка?

– О боги, надеюсь, что нет, – сказал Слэйто и снова уткнулся в книгу, словно считая разговор оконченным.

Я в отчаянии обернулась к Аэле, но та лишь пожала плечами:

– Он его не носил все наше путешествие. Напялил только в Лароссе. Сказал, что его могут узнать.

– Узнать без шлема... или узнать в шлеме?

Вопрос остался без ответа. Мы запланировали привал около полудня, когда солнце войдет в зенит, и поспать немного. Гостиниц и постоялых дворов не предвиделось. Мы двигались заброшенным старым трактом, по которому раньше, еще до развития портовых городов, на юг отправляли соль из северных карьеров, а в Ларосс с юга везли янтарь. Сейчас по этим тропам бродили редкие местные жители да залетные птицы вроде нас.

Мне не хотелось жаловаться своим компаньонам, но я всерьез начала опасаться, что наконечник болта был чем-то смазан. Несмотря на небольшую ее глубину, рану жгло, и появилось жуткое желание почесать вокруг нее кожу. Видимо, мой несчастный вид вынудил Слэйто и Аэле спешиться и устроить привал раньше запланированного времени.

Мы остановились в живописной липовой рощице, которая была вся в цвету. Запах среди деревьев стоял густой, словно мед. Пока Слэйто стреноживал лошадей, Аэле, будто маленький генерал, командовала мной: сними броню, задери рубашку. Я бы не назвала себя скромницей – точно не после двух прошедших лет, – но раздеваться при Слэйто мне совсем не хотелось. Однако он поклялся даже не смотреть в нашу сторону и уселся на другом конце

ропицы со своей книгой.

Рана, к счастью, действительно оказалась незначительной. Моя новая знакомая своими нежными пальчиками аккуратно промыла ее вином из походной фляжки, потом наложила повязку и велела мне отдыхать. Но заснуть я не могла: в голове теснились беспокойные мысли.

Девочка-выдра. Монстр, ощерившийся на меня, вновь и вновь махал своей когтистой лапой. Откуда-то из глубины памяти всплыло воспоминание о сыплющихся сверху голубиных перьях. «Коронация, коронация», – твердил разгоряченный разум. Мне вспомнился Гардио, человек, которого я знала не так долго, но расставание с которым разбудило во мне первую грусть. Он ведь пообещал Атосу порасспрашивать людей о монстрах и коронации на какой-то ярмарке у Врат Ремира. Справился ли он? Узнал ли что-то?

Хотелось бы повидаться с Гардио – вновь увидеть его насмешливые ярко-голубые глаза и золотые слегка вьющиеся волосы. Мой «отвратительный блондин». Но ведь если я его увижу, мне придется рассказывать. О том, что произошло с Атосом и кем я стала. Голова разрывалась от мыслей, и я сжала виски ладонями и тихо застонала.

– Не спится?

Открыв глаза, я увидела удивительную по нежности картину: Аэле склонила голову на колени к своему жениху и сладко посапывает, приоткрыв ротик; рука Слэйто покоится на плече девушки, словно ее оберегая. В Лароссе я и забыла, что такое возможно. Пылинки кружились между липами в лучах солнечного света. Пыльца падала с распустившихся цветов на лицо. Я провела пальцами по щеке, оставляя на ней липкие дорожки, и ответила как можно тише:

– Нет, не привыкла спать днем.

– Что было с девочкой, которая пряталась за повозкой? Ты от нее так отшатнулась.

Теперь настал мой черед молчать. Я не знала, что рассказать этому странному человеку. О людях-монстрах, которые наводнили Королевство? О том, что среди них есть и дети? Не покажется ли ему это выдумкой и сумасшествием?

Видимо, заметив мои колебания, Слэйто решил не ни о чем меня не расспрашивать и переключился на другую тему:

– Может, чтение тебя развлечет и позволит разуму расслабиться?

Он передал мне книгу, которую так увлеченно читал всю дорогу. Маленький томик, переплетенный в добротную кожу. На обложке были вытиснены скалящийся волк и надпись красивыми буквами: «Записки охотника на волков».

– Это сказки? – Я попыталась вернуть ему книгу, но Слэйто отклонил мою руку. – Я уже говорила Аэле, что не люблю сказки. Могу повторить и тебе.

– Это настоящий дневник человека, который ездил по стране. По нашей стране, – уточнил мой спутник. – Он, видимо, был охотником, но не слишком удачливым. Он жил пару сотен лет назад, однако его рассуждения об устройстве наших некоторых городов и политические мысли... довольно здравые. Мне было интересно читать. Попробуй.

Я посмотрела на книгу с сомнением, но прежде чем ее открыть, спросила:

– Как ты выглядишь под шлемом? Какой ты? На самом деле.

– После Перешейка я тебе отдам шлем в качестве оплаты. Мне так или иначе придется снять его. Тогда и увидишь, – произнес он с улыбкой.

Я вздохнула и открыла первую страницу книги.

Что за странное место эта воинская столица Королевства. Я приехал сюда, привлеченный рассказами охотников о небывалой дичи, водящейся в лесах вокруг городских стен. Зверья и вправду много: медведи, лоси, тонконогие королевские олени, лисы во множестве и различная птица. Но за пару дней я не нашел ни одного волчьего следа. Глупости ситуации добавило то, что я договорился об отъезде с караваном, который намеревался двинуться на юг только через неделю. Мне предстоит провести в городе все эти семь дней. А он, на мой вкус, чересчур пропитан военщиной и диктатурой.

Я снимаю комнату у госпожи Тарнак. Эта дородная, вечно испуганная женщина чуть не упала в обморок, когда узнала, что я охотник. В ее представлении охотники сродни бандитам. Однако мне удалось убедить ее в моей благонамеренности. Сегодня я так расстроен отсутствием волков в окрестностях, что, пожалуй, отправлюсь в таверну и напьюсь вдрызг.

* * *

Я очень надеюсь, что мой дневник сможет прочитать каждый охотник от побережья Чиптана до зеленых вод Тарасийи. В конце концов, даже этот неуч Кавалер, жалкий ловец перепелок и соек, смог выпустить в свет полнокрасочное издание с описанием своих скучнейших путешествий. Меня же ждет успех, я уверен.

Так вот к чему я веду – раз уж мои скромные записи будут продаваться далеко за пределами нашей славной страны, мне стоит чуть подробнее описывать места, где я бываю. Далекому читателю многое может оказаться неясно без дополнительных пояснений. И раз уж я задержался в Кармаке на неделю – и протрезвев после вчерашних возлияний, – то решил погулять по городу и представить его во всей красе на страницах моих заметок.

Увы, как это часто бывает, благие намерения привели лишь к разочарованию. Я целый день бродил по городу, пытаюсь выяснить, чем могу заинтересовать своего потенциального читателя, и убедился лишь в одном. Кармак – один из самых удручающих городов Королевства. Военная столица севера, кузница нашей армии и великая школа всех полководцев, изнутри он больше напоминает каземат, нежели обитель знаний. Каменные здания созданы с одной целью: быть местом ночлега и столования. Никакой красоты в архитектуре я так и не усмотрел: все просто, четко, надлежаще – но невыразимо скучно! К тому же население прирастает, и всем этим людям требуется крыша над головой. Весь Кармак напоминает гигантскую стройку: по улицам бегают чумазы строители из низших слоев. Они то сыплют оскорблениями, то норовят уронить на тебя ведро с краской или каменный блок.

Более того, похоже, жители города совсем не знакомы с символом охотничьего общества, нашим знаком отличия – брошью в виде серебряного волка, оскалившего пасть. Мне ни разу не выказали уважения на улице, что меня очень расстроило. Впрочем, пустое – я говорил о городе.

Порадовать себя чем-то, имеющим отношение к военному ремеслу, мне тоже не удалось. Я ожидал увидеть парад или хотя бы офицерский марш, но по улицам ходят по большей части одни солдаты. Пьянства и блуда нет, это внушает хоть какие-то надежды. Но

спокойствия нет, над городом, словно паровое облако, висит некое волнение. Моя гостевая хозяйка, госпожа Тарнак, печальным шепотом сообщила мне, что ходят слухи о заговоре против короля, и это здесь, в сердце страны. Подумать только!

Я бросил затею поужинать в городе: здесь почти нет трактиров или кабаков – похоже, солдатам не создают лишних соблазнов. И покаянно вернулся к госпоже Тарнак, от чьих услуг поварихи отказался сегодня с утра. Она по-матерински простила меня и пригласила к ужину, как оказалось, в большой компании. За столом у гостеприимной хозяйки собрались одни мужчины: кто-то, как и я, проездом оказался в городе; прочие привыкли оплачивать ужин у госпожи постоянно, так как находились на службе вдалеке от семей; третьи просто зашли по-соседски. Почти дюжина голодных мужчин воздала благодарность дому Тарнак за жареный картофель и печеночный паштет и принялась за ужин.

Среди моих соседей по столу оказались и преинтереснейшие экземпляры. Например, торговец медью, который привез с юга известия о том, что заокраинцы начали активно заселять Королевство. Ему, конечно, не поверили. Гордая нация магов недавно лишилась дома, но они были упорными трудягами. Каждый за столом, кто участвовал в разговоре, не сомневался, что совместными усилиями заокраинцы изгонят скверну со своей родины и что Ирбис вновь расцветет, что бы ни творилось там сейчас. Этот купец еще использовал грубое словечко «ока», называя так всю расу магов, пока ему не сделали замечание, что в приличном доме подобные высказывания не уместны. Совершенно справедливо!

Любопытным мне показался и говорливый прораб, который руководил постройкой нового здания офицерской академии. Этот молодой парень, весивший, однако, добрый центнер и обладавший багряными щеками, словно у него проблемы с сердцем, с удовольствием рассказал, как воруют деньги на строительстве. И как ни пыталась унять его хозяйка, он с утроенной радостью говорил об экономии средств на строительных материалах, и о пройдохе-архитекторе, который за взятку получил эту должность. Прораб словно не чувствовал, к чему могут привести такие разговоры.

Были за столом и молчуны. Я обратил внимание на черноволосого мужчину, с окладистой бородой и усами, в добротной, но изрядно поношенной тунике. За весь вечер он проронил всего два слова, и те были благодарностью за ужин и компанию. Когда он уходил, я поинтересовался у хозяйки, кто это был. И она рассказала, что это вдовец Дедер, чья дочь служила в армии и получила назначение на службу в городе. Приличный человек, работает сапожником в соседнем доме. Девочка может видеть его лишь раз в месяц, но он все равно остается в городе, хотя в деревне работы у него было бы больше.

Я почти засыпаю, выводя эти строки. Добавлю только, что сегодня получил письмо от своего друга Арлина, который хвастал двумя убитыми на востоке волками. Вот ловкий плут!

* * *

Весь день с утра лил дождь, и я не решился гулять по городу. Вечная стройка и так залила грязью всю мостовую, а дождь, наверно, и вовсе превратил улицы Кармака в болото. Так что мне пришлось просидеть в комнате, сочиняя предисловие к своей книге, но ничего, кроме слов «Как мы все знаем, волк благородное, но хитрое животное...», в голову не шло.

Когда я промаялся таким манером весь день, мне пришлось признать, что он был прожит зря. Но эти мысли покинули меня за ужином. Сегодня компанию нам, мужчинам,

составила милая юная леди. В простом ситцевом платье, с заплетенными в косы черными волосами, переступившая порог юности, но еще не вступившая на путь зрелости, она представилась Фавикой, дочерью господина Дедера, сапожника. Та самая девушка, которую еще в детстве забрали в армию. Ужасный обычай, о котором я слышал ранее и о котором, вероятно, следует рассказать поподробнее.

Дело в том, что офицеров-женщин очень мало в королевской армии, и тому есть свои причины. Если исключить хотя бы то, что женщины по своей натуре существа нежные и добрые, да и по природе не приспособленные к бою, присутствие оных в казармах может смутить даже самый натренированный ум. Однако покойная королева Евелина сочла, что определенное количество женщин в армии должно присутствовать. Ее величество была весьма набожна, и она пожелала, чтобы офицеры-женщины представляли в армии саму Святую Сефирь. Леди-военные должны были служить скорее символом, нежели быть настоящими воинами, их не предполагалось понуждать к тяжелой службе. Однако столь благородное стремление, как водится, потонуло на стадии воплощения. Королева Евелина скончалась, так и не увидев, что сотворили с ее идеей. Так как женщины с неохотой шли в армию самостоятельно, правительство Кармака решило ежегодно собирать, так сказать, дань с горожан. Десяток девочек в возрасте от пяти до семи лет отрывали от семей и бросали в горнило военной службы. И тогда как для мальчиков служба была делом не только добровольным, но и хорошо оплачиваемым, на женскую долю выпадало немало страданий.

Во-первых, до пятнадцати лет девочкам строго запрещались свидания с семьями. Бедняжки не могли видеться с близкими – так у них вырабатывали стойкость и несгибаемость. По достижении этого возраста свидания дозволялись не чаще раза в месяц. Во-вторых, бедные души лишали права создавать семьи и выходить замуж. Офицеры-мужчины легко могли содержать по две семьи и пару любовниц, тогда как женщина в материнстве, по мнению государства, могла утратить патриотизм. Ну, а в-третьих, бедой и бедствием стали назначения. Презрев пожелания Евелины, правители Кармака решили в полной мере использовать новый кадровый резерв, и девушек бросали на самые страшные работы. О, я говорю не о рытье траншей и не об открытом и благородном бое. Теперь все женщины-офицеры занимали посты в пыточных комиссиях, комитетах дознания, отделах слежки и казни.

Зная все это, я с особой печалью следил за Фавикой в ее зеленом платице и был поражен, что она может улыбаться и мило беседовать с каждым гостем за столом. Ее аккуратные косы и щелка между передними зубами придавали ей простой и нежный вид и никак не вязались с тем ужасом, через который, скорее всего, она прошла. К сожалению, мое внимание к своей персоне Фавика истолковала превратно: ее щеки заалели, а ресницы затрепетали. Мне хватило пары ее томных взглядов, чтобы догадаться, что стало тому причиной. И помня свое последнее путешествие в Тиль, где чуть не стал узником брака с дочкой местного генерала, я решил досрочно ретироваться из столовой.

Удалившись в свою комнату на первом этаже, я стал готовиться ко сну, однако не прошло и получаса, как в коридоре около моей двери послышались женские рыдания. Вначале я подумал, что плачет госпожа Тарнак – кому же еще быть в доме из женщин, кроме хозяйки? Однако вскоре уловил девичий голос и отвечавший ему мужской и понял, что слышу разговор Фавики с отцом. Искренне печалюсь, что стал причиной столь бурного горя, и не имея в виду ничего дурного, я решил прислушаться.

К моему большому облегчению (хотя можно ли так говорить о женских слезах), речь шла

не обо мне. Как я понял из обрывочных фраз, Фавика плохо справлялась со своими обязанностями. Не то чтобы она дурно служила, но и успехов на своем поприще не делала. Казалось бы, как бы ни был плох военный, ему всегда накроют стол. Однако девушке пригрозили высылкой на границы с Элдтаром, а там сейчас шли войны. Отец утешал Фавику как мог, но получалось плохо. Дело было и в заговоре, о котором у нас шла речь за предыдущим ужином. Похоже, девушка служила в комитете, который разыскивал заговорщиков. Но трудился он впустую: до сих пор поймать никого не смогли.

Разговор отца с дочерью закончился, а я с тяжелым сердцем ложусь спать. Храните боги эту несчастную девочку.

* * *

Это невероятно! Я все еще не могу поверить, что видел это своими глазами, но Войя меня побери... я должен взять себя в руки и описать все по порядку.

Итак, сегодня с утра я решил посетить сапожника Дедера и поддержать его, стараясь не обмолвиться, что стал невольным свидетелем вчерашних слез его дочери. Однако когда я приблизился к его дому, то обнаружил, что вокруг него плотным кольцом стоят солдаты. Сам же сапожник, сильно побитый, лежал на мостовой под ногой какого-то мерзавца в парадной броне Кармака. Дедер сквозь выбитые зубы, плюясь кровью, сознавался в ужасных делах! Я не поверил своим ушам: законопослушный ремесленник говорил, что состоял в связи с заговорщиками, переправлял секретные послания, шпионил.

Я уже собирался подойти и сказать солдатам, что дочь этого достойного человека – офицер и что, возможно, возникло недопонимание. Но как только я сделал пару шагов, человек в броне с отличительным знаком капитана рывком поставил сапожника на ноги и подтолкнул его к крытой телеге. Благодаря тому, что забрало было поднято, я увидел лицо Фавики! Без единой кровинки с сурово сжатыми губами. Я все еще не могу поверить, что дочь тащила родного отца в тюрьму Кармака. Но вот, кажется, вернулась госпожа Тарнак, я обязан ей рассказать.

* * *

В голове такой сумбур, совершенно не укладывается то, что случилось за последние два дня. Госпожа Тарнак, обладая кое-какими связями в городе, разузнала о судьбе Дедера, но я все еще не могу поверить в случившееся.

В комитет Фавики пришла анонимная кляуза на сапожника, а когда офицер явилась на порог к родному отцу, тот сознался в таких грехах, что сам Войя заплакал бы от зависти. По словам Дедера, он разве что подметки не менял заговорщикам: им были названы какие-то имена – но настоящие ли? Госпожа Тарнак мельком видела сапожника, и она дрожащим голосом проговорила, что пыточных дел мастера уже над ним поработали. Не исключено, что и сама Фавика приложила к этому руку. Я просто не могу постигнуть, как дочь могла такое сотворить с родителем? Они, конечно, мало видались за ее жизнь, но, даже судя по тому короткому разговору за моей дверью, я мог сказать с уверенностью: сердце Дедера наполнилось любовью и заботой к Фавике.

Единственным разумным объяснением случившемуся мне виделось то, что сапожник оклеветал себя намеренно. Желая помочь дочери, он послал анонимный навет и сейчас оговаривал самого себя в худших тонах. Возможно, поимка такого сверхзаговорщика и вправду помогла бы карьере Фавики – но наказанием за подобные преступления могла быть только казнь! Неужели любовь Дедера настолько велика? Страшнее всего, что Фавика может сейчас поверить чудовищной лжи родного отца. Я должен что-то сделать, чтобы докопаться до правды и открыть дочери глаза на эту жертву во имя любви.

* * *

Я долго не мог сесть писать. Во мне будто что-то умерло. Хотя сейчас я должен спешно укладывать вещи, чтобы еще до полуночи покинуть Кармак, – несмотря на это, мне кажется, что надо перенести всю правду на бумагу, пока мысли свежи.

Итак, я отправился в комитет, желая повидать Фавику и рассказать ей ту «правду», до какой додумался, сидя в своей комнате. Естественно, меня, человека в городе нового, хоть и с брошью охотника, не пустили даже на порог управы, но дежурный обещал передать мою просьбу о встрече своему офицеру. Пока я мерз на промозглом ветру, на крыльцо вышел покурить старый служака. Он скрутил невероятно вонючую сигаретку, а я был вынужден дышать этим дымом, боясь отойти от крыльца слишком далеко.

Увидев во мне собеседника, старик решил похвастать делами своего ведомства: видать, такой крупный улов случался нечасто. Теперь дела всех служащих комитета должны были пойти в гору. Он хвастал и тем, что ходил на «лов заговорщика», то есть в дом сапожника Дедера. Решив попытать счастья, я обратился к служивому:

– Почему же никто не удивляется, что отец вашей начальницы, капитана Фавики, оказался предателем? Неужели ни у кого не возникло и мысли, что этот человек оклеветал себя, чтобы помочь дочери, не поймавшей до этого ни одного заговорщика?

Старик хрипло рассмеялся:

– Да я ведь, добрый господин, сопровождал нашего офицера, когда мы вошли в дом. Заговорщик отпирался, еще как! Если бы хотел дочери помочь, стал бы он так упорно отрицать свои преступления? Нет! Вы бы слышали, уважаемый, сколько крику было! Он метался, точно зверь, крича, что невиновен и не знает ничего о заговорах. Хитрый лжец притворялся удивленным и растерянным.

Меня ошарашили слова служаки. Дедер не походил на лгуна, но, когда я увидел его на мостовой, тот, несомненно, уже клялся в своей вине.

– Что же заставило его сознаться? – спросил я.

– А вот что. – Старик описал своим кулаком широкую дугу в воздухе. – Наша офицер ударила в висок сапожника, а когда тот рухнул, она схватила его за грудки, глянула ему прямо в глаза и сказала, что, хоть он ей и отец, отпираться смысла нет. И мерзкий заговорщик сразу понял, что его уловки не пройдут. Увидел это в глазах своей дочери! Так-то.

Эти слова сковали мое сердце холодом. Что бы ни увидел Дедер в глазах дочери, это было его приговором. Сапожник не оклеветал себя сам. Юная Фавика решила использовать любовь отца для своей карьеры. Возможно, она надеялась ударом в висок сломить его дух, чтобы сапожник сознался в любых преступлениях. И это ей удалось.

Внезапно на крыльцо вышла сама дочь сапожника. В своей зеленой суконной форме она

выглядела выше и строже. На лацкане ее казенного сюртука виднелись две еще свежие капли крови, и мне подумалось: не кровь ли это ее родного отца, который утратил веру в семью? Заметив мой взгляд, который был, вероятно, более открытым, чем книга, Фавика залилась ярким румянцем. Не тем нежным румянцем, каким покрылись ее щеки, когда она кокетничала со мной за ужином у госпожи Тарнак, о нет. Это была алая краска стыда человека, уличенного в преступлении. Как ни старался я согнать с лица презрение и негодование, у меня это выходило плохо. Прогнав с крыльца старика, Фавика выразила желание пообщаться со мной внутри ведомства и приоткрыла дверь в полумрак.

Мне оставалось лишь отказаться, сказав, что я не рассчитал время и должен торопиться домой. Фавика пожелала мне удачной дороги, а потом добавила, что мне следует поторопиться с отъездом из города, так как надвигается буря и движение в ближайшие дни может быть затруднительно, а то и совсем невозможно. О, какая тонкая ирония. Однако Фавика давала мне шанс сбежать и промолчать о преступлении.

Я почти собрался в дорогу и все еще продолжаю задаваться вопросом: а мог ли я сделать что-то для Дедера? Сейчас он сознался в стольких преступлениях, что обелить его имя уже невозможно. В городе, переполненном военными, где все подчинено диктату офицерства, будет ли слово охотника на волков чего-нибудь стоить против слова капитана Фавики? Беда в том, что я вряд ли бы дожил даже до суда за клевету: скорее всего, меня запытали бы в стенах тюрьмы Кармака.

Поэтому я и бегу, вытирая слезы злости со своих щек. Я оставляю госпоже Тарнак плату за все дни, что не смог у нее прожить, и ухожу в ночь, не дожидаясь каравана. Я ожидал встретить в окрестностях Кармака волков, но вместо этого нашел в самом городе логово непонятных мне тварей – подлых, хитрых и ничего не знающих о любви и верности. И да простят меня боги за то, что я бегу отсюда.

СЕЙЧАС

Я все еще стояла в комнате с огромным зеркалом в бронзовом обрамлении. Воспоминания о ночи знакомства со Слэйто и Аэле не отпускали меня. Судьба преподносит странные сюрпризы в тот миг, когда уже ничего особого и не ждешь от жизни.

Откуда-то из соседних комнат доносились веселый смех и бульканье воды: Аэле получила свою горячую ванну. Я же подошла к походному мешку и достала из него книгу «Записки охотника». На толстом переплете не значилось имя автора. Мне до сих пор не удалось продвинуться дальше первой истории, про посещение охотником Кармака. Надо сказать, словно камень с души упал, когда я поняла, что это не сказки, а лишь биография какого-то незадачливого путешественника. Просто истории из жизни настоящего человека, а не какие-то мистические выдумки, на поверку оказавшиеся чистой правдой.

Подняв мешок с пола, я собралась покинуть комнату, но задержалась у зеркала. Девушки всегда остаются девушками, говаривала моя мать, и их тянет к зеркалам. Тыльной стороной ладони я провела по своему лицу. Да, два года прошли и оставили шрамы, отняв у моей внешности женственность, но взамен придав ей что-то другое. В Лароссе меня считали вполне привлекательной женщиной, несмотря на кровавый шлейф, тянущийся за мной с ночи одиннадцати трупов в «Хлипком мосте». Но сейчас рядом с моими новыми компаньонами я даже и не знала, можно ли меня назвать симпатичной.

Хоть этот вопрос был продиктован пустым тщеславием, я и вправду чувствовала себя нелепо рядом с Аэле и Слейто, этой парочкой голубков. Она просто была ангелом, сравнивать себя с ней было так же глупо, как ставить рядом ишака из деревни и рыцарского боевого коня. А он.

Я подошла к окну. Прачки ушли, оставив в воздухе лишь легкий запах щелочного мыла. Мой наниматель сидел на краю колодца и сосредоточенно вертел что-то в руках. Его золотистые прямые волосы, спускавшиеся до ключиц по обе стороны лица, а сзади более длинные и забранные в косу, блестели на солнце. Кожа, там где ее можно было разглядеть – на лице и тонких пальцах, – была бледной, но не могильного синеватого оттенка, а молочно-золотистой белизны. После Перешейка Слэйто снял свой плащ, и под ним оказались камзол и штаны добротного сукна и хорошего кроя, но не вызывающе дорогие. Излишними я бы назвала только кружевные манжеты его рубашки и воротник под горло, но это было делом вкуса.

Мой взгляд задержался на его лице: острые черты, тонкий нос и губы, почти постоянно пребывающие в легкой улыбке. Ну и конечно глаза, которые заставляли меня усомниться, что этот парень вообще из Королевства. Узкий разрез, характерный для Тиля, сочетался с особенностью, которая не могла возникнуть у северянина никогда: один его глаз был голубым, а другой зеленым. Слэйто почти всегда смотрел полуприкрыв глаза, из-под своих пушистых светлых ресниц. Казалось, что он даже не утруждает себя смотреть на тебя в полную силу. О боги, это раздражало.

И если б я задалась целью назвать его точный возраст, то снова, как и в случае с принадлежностью к тому или иному народу, потерпела бы поражение. Он вел себя как семилетний мальчик, знал много как столетний старик, веселился как молодой юноша, но на Перешейке он показал себя взрослым мужчиной.

Я знала, он заметил, что я наблюдаю за ним из окна. И ему для этого не понадобилось поворачивать голову. С моей ладони сорвалась темная лента магии и растворилась в утреннем воздухе. В отличие от меня самой, мою зараженную суть тянуло к светлым сполохам, которые излучал Слэйто. То, что случилось на Янтарном перешейке, лишь доказало, что все не так уж и просто между нашими остаточными магиями.

Миновав комнату, где раздавался веселый смех Аэле и пары молоденьких служанок, я спустилась на первый этаж. Удивительно, как быстро наша маленькая птичка находит себе друзей. Она никогда не врала и не льстила, просто искренне говорила людям приятные вещи. Но что было гораздо поразительнее, люди ей верили и начинали проникаться ее светлой радостью. Сейчас она, вероятно, очаровала местных служанок и устраивала вместе с ними небольшой потоп наверху.

Колодец находился всего в паре шагов, и я разглядела, что Слэйто вертит в руках нечто очень знакомое. Зеленые девичьи бусы, каких я никогда не видела на Аэле, с круглыми отполированными бусинами. Рука невольно дернулась вверх, и пальцы нащупали на броне пустые выемки, куда когда-то были впаяны бусины Карамина, дарующие жизнь. Однако Слэйто вертел в руках вовсе не магические четки, это было простое деревенское украшение. Где он его раздобыл?

– Я подумал, – задумчиво начал Слэйто, даже не оборачиваясь, но зная, что я стою у него за спиной, – что недостаточно хорошо описал тебе, насколько это путешествие может быть опасным. Если не хочешь, ты не должна идти с нами. У тебя на это совсем нет причин.

– Ты не расплатился со мной, – напомнила я. – И пока не получу плату, никуда я от вас

не уйду. Мы идем вместе, и никак иначе.

Он развернулся и посмотрел на меня с вечной легкой улыбкой:

– Ты прекрасно знаешь, почему я не могу отдать тебе лисий шлем, хотя и очень бы этого хотел.

Я лишь пожала плечами. Он между тем поднял бусы и продемонстрировал мне их, растянув нить между пальцами двух рук:

– Лис, у каждого человека есть свое место в жизни. – Слэйто начал перебирать бусины. – Место в истории, если хочешь. Каждый из нас находится на своей нити событий в окружении бусин-людей. Но то, где ты сейчас. – Он задержал пальцы на одной из бусин, которую пересекала трещина. – Это не твоя история, и не твоя жизнь. Ты не должна идти по этому пути только потому, что он кажется тебе знакомым.

Внезапно Слэйто с громким треском разорвал нить и позволил бусине с трещиной упасть на землю, сжав пальцами концы нити и удержав от падения все остальные бусины.

– Ты всегда можешь уйти.

Мы смотрели на зеленую бусину, одиноко лежавшую в грязи. Затем я решительно шагнула вперед и схватила его за руки. Холод еще пугал меня, но в конечном счете страх – это то, что можно побороть. С силой сжав тонкие пальцы Слэйто, я заставила его отпустить нити, и бусины водопадом упали на землю, усеяв добрый метр возле колодца.

– Вот что происходит, когда ты убираешь хотя бы одну бусину, но у тебя нет сил удержать концы. Понимаешь? Поэтому я иду с вами.

Я все еще держала его, и светлая и темная магия заискрили так, что нам пришлось разнять руки.

– А теперь будь хорошим мальчиком и собери бусины. Твоя невеста расстроится, если узнает как ты обращаешься с красивыми вещами.

#Волк четвертый

До минуты, застывшей в настоящем, – в которой я стояла посреди грязного постоянного двора и смотрела, как Слэйто потянулся, чтобы собрать зеленые бусины, – осталось рассказать совсем немного. Хотя для меня словно вечность прошла, ведь переход через Янтарный перешеек изменил очень многое, в первую очередь, во мне самой. Колесики истории, которые так отчаянно завертелись, когда Слэйто за руку вытащил меня из «Хлипкого моста», сорвались со своих мест, ломая хрупкий механизм налаженной истории.

Но, пожалуй, стоит рассказывать по порядку.

ТОГДА

Наше путешествие превращалось в мучение. И дело было не в моей ране и даже не в излишней заботливости Аэле, которая каждые пару минут спрашивала, как я себя чувствую. Мне порой хотелось свалиться замертво исключительно назло ей с ее назойливой опекой. На мне все всегда заживало быстро, а учитывая, какой смертельный трюк я пережила в Сиазовой лощине и через что прошла во время одиночных рейдов «против всего мира» за два года, царапина от арбалетного болта казалась сущим пустяком.

Нет, я чувствовала, что теряю контроль над происходящим. Мир, который рухнул во время Взрыва и который я так старательно выстраивала кусочек за кусочком месяц за месяцем, вдруг стал опасным и непонятным. Во-первых, предательство доспеха я восприняла как личное оскорбление. Даже в самых тяжелых битвах заокраинское серебро выдерживала прямой удар меча-бастарда. Да, у меня при этом трещали ребра, но броня держалась. Глупый же болт в совершенно идиотской стычке пробил серебро ока насквозь! Это было маленьким намеком на то, что моя удача не может быть бесконечной.

Во-вторых, девочка-монстр возле телеги дала понять мне, что вокруг моего уютного мирка развивалась своя история. Я могла уплыть из Королевства, уехать куда угодно, да просто сдохнуть в канаве – но независимо от этого монстры продолжали свое странное шествие по этой земле. Их становилось больше, чем прежде, среди них были дети, и Войя меня подери, если я знала, к чему все это ведет.

Последним, что окончательно выбило меня из седла, стали мои спутники. Полная любви и надежд Аэле и мистический, холодный, как труп, Слэйто, обьятый пламенем светлой магии. Я перебирала в уме все возможные варианты, кем могла быть эта пара. И самым простым и очевидным был тот, в котором эти ребята были просто юной красоткой и ее женихом, который, как и я, пострадал в каком-то магическом потоке. И эта простота злила больше всего. Ни на один свой наводящий вопрос я не получала прямого ответа, а те отрывочные и разрозненные сведения, которые мне удавалось выудить из этой пары, не давали мне ровным счетом ничего.

И вот мы двигались на юг. Там, за горами Хаурака, много чего произошло. Там все еще находилось место, где я родилась. Там было Поле песчаных мышей и Песчаная крепость, возле которых я познакомилась с Атосом. В общем, это было кладбище моих воспоминаний. И какой бы зарок я себе ни давала – проводить ребят через Перешеек, получить плату и вернуться на север, – по спине бегали мурашки от мысли снова оказаться на юге.

Конечно, далеко не все было так мрачно. Вырваться из смердящего Ларосса на волю стало особым удовольствием. Мы не проезжали лесов, но вокруг зеленело достаточно пашен, а иногда попадались и группки деревьев, и я полной грудью вдыхала аромат свежей листвы, который так любила. Совсем скоро равнинный ландшафт должны были сменить скалистые дороги Хаурака, и я старалась насладиться запахом подмерзшей травы, пока это было возможно.

В прошлый раз мы с Атосом и Гардио прошли горы в довольно высоком месте. Эта тропа связывала горные деревни, которые следовали одна за другой среди полей житицы, подобно звеньям одной огромной цепи. Та дорога была хорошо утоптана и довольно безопасна – там жили люди. Чего не сказать об ориентире, заданном Слэйто. Янтарный перешеек и в самое спокойное время был довольно мрачным местом. Хотя этот переход и был самым низким по восточную часть гор, а соответственно, и самым быстрым путем на юг, славу он себе приобрел дурную. Его название связано с тем, что дорогой пользовались контрабандисты и наемники, переправлявшие по ней на север в огромных тюках янтарь из южного порта Тонхи. Они не любили свидетелей, и вскоре все, кроме самих бандитов и хорошо вооруженных групп солдат, перестали пользоваться этой тропой.

В последние же месяцы ко всему прибавился слух о новом, стихийно возникшем Уделе Мрака, который напрочь перекрыл Янтарный перешеек. Даже контрабандисты не были настолько отчаянными людьми, чтобы тягаться с Поглощающим. К сожалению, темный маг, так хорошо отпугивавший бандитов, совсем не останавливал Слэйто. А за ним, как на привязи, к логову тьмы бежала Аэле. Но что хуже всего, я начинала чувствовать безосновательную ответственность за эту пару блаженных и уже просто не могла позволить им одним идти в Удел. Сколько бы я ни повторяла мысленно, что мне плевать, плевать, плевать на них, – повернуть назад и все бросить я уже не могла.

В последний раз, когда я побывала в Уделе – Лисьем чертоге, если быть точной, – обитель высшего мага оказалась покинута хозяином. Как затухающий огонек некогда мощного костра, она хранила лишь малую частицу его мощи. Нас с Атосом ждал там другой неприятный сюрприз, но магии Сияющих и Поглощающих там было немного. К тому же тогда я еще не была облучена Взрывом, который наделил меня магическим нюхом на сильные проявления волшебства.

Но все равно я не была готова к тому, что увидела, когда мы выехали из-за поворота. Сначала мне показалось, что в паре десятков метров впереди стояла стеной ночь, хотя солнце довольно сильно пригревало мои доспехи. Это казалось безумием, но тьма простиралась от кромки земли до небес. Моя лошадь сделала еще пару шагов, и тьма перестала казаться просто отсутствием света, о нет – это был загустевший воздух. Словно долину между скал залили темным желе, и оно застыло. Хотя нет, подобно живой субстанции, плотная тьма подрагивала, будто в глубине ее билось громадное сердце. Она не обрывалась отвесно, точно отрезанная ножом, как скалы у Врат Ремира. Скорее, словно гигантский спрут, тьма раскинула свои щупальца, силясь захватить еще немного светлого пространства.

Меня объял ужас, но, обернувшись к Слэйто, который следовал за мной на своей лошади чуть позади, я решила не показывать страха. С этих ребят довольно и того, что их телохранитель получил стрелу под лопатку в самом начале путешествия.

Когда мы подъехали к границе Удела еще ближе, меня ждало новое потрясение. Совсем близко от тьмы на большом мшистом валуне сидела юная девушка. Аккуратно подоткнув под

себя домотканые юбки и отодвинув ноги от шупальца-тьмы в двух метрах от нее, она сосредоточенно чистила яблоко маленьким перочинным ножиком. Она подняла глаза на нас, только когда мы оказались совсем близко. Обычная деревенская девочка возраста Аэле, с обветренным лицом и потрескавшимися на солнце и ветру губами. Темные жесткие волосы были заплетены в две косы.

Девочка окинула нас взглядом и отрезала ломтик от белоснежного яблока, после чего закинула его в рот и аппетитно хрустнула. Мы спешили, сохраняя молчание и не решаясь начать разговор. Юное создание так близко к Уделу Мрака – это было дурным знаком. Наконец, тщательно рассмотрев каждого из нас с головы до ног, незнакомка заговорила неожиданно низким голосом:

– Приветствую, странники. Вы бандиты или мирные люди?

– Да, – невпопад ответил Слэйто. Даже Аэле, обычно пропускавшая мимо ушей его глупости, взглянула на жениха с изумлением.

– Да – мирные люди, или да – бандиты? – безмятежно полюбопытствовала девушка, отрезая от яблока еще кусочек.

– Да – в смысле, будь мы бандитами, мы бы уже давно убили или ограбили тебя, – уточнил мой компаньон.

– А почему не изнасиловали бы?

– Ну, у меня есть невеста. – Слэйто кивнул на Аэле. – Она тоже вряд ли стала бы тебя насиловать. За Лис не отвечаю, она у нас странная.

– Эй! Это обидно!

– ...но, по-моему, ей нравятся мужчины.

Девочка задержала на мгновение свои серые глаза на Слэйто, а затем обратилась ко мне:

– Он у вас всегда такой *странный*?

– Большую часть времени, – вздохнула я. – Кто ты и что тут делаешь? Тебе хоть известно, где ты находишься?

– Моя мама идиотов не рожала, – язвительно заметила девочка и выразительно посмотрела на Слэйто. – Я возле Удела Мрака. К слову, меня зовут Кошон.

– Я Лис, это Слэйто и Аэле. – Жених и невеста дружелюбно помахали ей, а девочка в ответ подняла руку с ножичком. – Не слишком ли ты опасное место выбрала, чтобы сидеть и есть яблоки, а?

– Я здесь за тем же, зачем и вы. Пытаюсь очень быстро попасть на юг. Зачем же еще сюда соваться, – пожала плечами Кошон. – У меня не было времени идти в обход по общим путям. Я ждала кого-то настолько же сумасшедшего, как сама, чтобы войти в Удел Мрака. На мое счастье, это оказались ребята, вооруженные мечами.

– Прости, но мы не берем попутчиков.

Я вскочила в седло и повернула коня, намереваясь пересечь границу Удела, но тут Кошон соскочила с валуна и воскликнула:

– Я не стану обузой, просто буду идти сзади! Если со мной что-то случится, это будет только моя вина. Я же не прошу вас меня охранять. Мне очень надо на юг!

Я лишь успела открыть рот, намереваясь сказать: «Нет. Определенно нет. Ни в коем случае. Нет!», когда Аэле подошла к Кошон. Они стояли рядом, две тоненькие фигурки, такие незащитные и хрупкие, казалось, даже слабый порыв ветра может их сломить. В отличие от девочки в деревенской одежде, наша птичка была в платье, напоминающем розовый торт. Кружевные рукава, множество бантов, розовая атласная лента под маленькой

грудью и кисея, кисея, кисея. Они выглядели, как принцесса и нищенка, но во взгляде нашей новой знакомой не было ни намек на зависть или недоверие. Каждый, кто встречал Аэле, начинал ею увлекаться. Сейчас она сложила свои маленькие кулачки у груди, и я мысленно застонала, потому что знала, что за этим последует.

— Мы же не можем просто оставить Кошон здесь? Она ведь решит пойти туда совсем одна. И это будет ужасно.

Словно в ответ на ее слова, стена-желе у меня за спиной тихо вздрогнула. Меня передернуло.

— Из нас троих только я умею обращаться с мечом. Сабля Слэйто не в счет, это даже не смешно. Ты в самом деле хочешь, чтобы, если мы встретим Поглощающего, я защищала не только вас, но еще и ее?

Маленькая упрямица в розовой кисее одарила меня суровым взглядом:

— Но ведь иначе она может встретиться с Поглощающим один на один!

Слэйто примиряюще поднял руки:

— Леди, леди, не ссорьтесь! Кошон вполне ясно дала понять, что ее безопасность — только на ее ответственности, и она это понимает. Она просто пойдет следом за нами. Я оплачиваю только сохранность нас двоих, Лис. Вернее, только сохранность Аэле. Но девочка может идти след в след за нами, на свой страх и риск.

Я могла спорить до хрипоты с умоляющей Аэле, могла препираться с приводящим разумные доводы Слэйто, но мне было не под силу переубедить их обоих. Я могла лишь попытаться сохранить лицо. И поэтому заключила:

— Учти девочка, твоя жизнь — твоя забота.

Кошон радостно кивнула, понимая, что любые слова могут изменить мое решение, и смело шагнула в область тьмы, похожую на щупальце; Аэле поспешила за девочкой. Я даже не успела их предостеречь. Мне пришлось снова спешиться и, взяв под уздцы коня, направиться в желеобразную тьму за ними.

* * *

Я помнила свое первое пребывание в Уделе близ Белой башни. Когда я пересекла его границу, мне показалось, что я нырнула глубоко под воду: уши заложило, и на миг стало нечем дышать. Сейчас я поняла, чем это было вызвано. Воздух в Уделе был концентрированной тьмой. Им невозможно было дышать. Это желеобразное вещество мигом забило мне нос, рот и легкие.

Как-то я должна была выследить и уничтожить банду грабителей, терроризировавших одно из сел близ Ларосса, — но сама попалась. Те самые мерзавцы, которых я собиралась прикончить, первыми выследили меня, схватили, приволокли к реке и принялись топить. Тогда, беспомощно связанная, я пару раз вдохнула воду, и она обожгла мои легкие. Сознание уходило, и я вправду могла захлебнуться. Жизнь мне спасло то, что бандиты передумали меня топить и решили сначала изнасиловать. Это стало для них смертельной ошибкой.

Но вот ощущение удушья я запомнила очень хорошо. И сейчас, несмотря на то, что стоял погожий день, мне показалось, что я тону в чернильной ночи и что она забила мне легкие. Я не переживу это, подумалось мне, просто не переживу.

Внезапно на плечо мне легла рука в белой перчатке. И даже сквозь тьму в ушах я

расслышала приятный скрип тонко выделанной кожи, из которой она изготовлена. Губы Слэйто оказались около моего уха, и он едва слышно произнес:

– Успокойся. Расслабься. Закрой глаза и найди точку опоры. Заставь свое сердце снова биться.

Это было плохим советом. Я тонула на суше, и мне требовалось уйти из Удела, только и всего. Но упрямство, Войя подери, не позволяло так просто сдаться. Я закрыла глаза. На что я могла опереться в этом мире? Что у меня в нем осталось? Что может стать точкой опоры? Рука невольно поднялась к груди, где на броне, прямо напротив сердца, раньше были впаяны бусины Карамина. Они служили самой истинной точкой опоры – но сейчас на броне их не было. Нет запасных жизней, нет бессмертия – есть только я и меч. Сердце сделало неуверенный удар и застучало, как и прежде, словно старые часы.

Я открыла глаза: со всех сторон возвышались скалы. Немного камней, кустов репейника и сухотравья. Впереди бодро шагали Кошон и Аэле. Юная невеста что-то рассказывала, энергично жестикулируя, отчего ее руки с розовыми кружевами на рукавах напоминали два птичьих крыла. Девушки смеялись.

Вокруг уже не было никакой осязаемой тьмы. Да, было чуть сумрачнее, в воздухе витал запах серы и тлена, но и только. Я обернулась к Слэйто, который продолжал держать руку у меня на плече.

– Откуда ты знал? Знал, что у меня будет этот... приступ и как с ним надо бороться?

Он улыбнулся своей обычной мягкой и слегка беззащитной улыбкой:

– Я же говорил раньше, что тоже был облучен магией. Когда я впервые зашел в Удел, у меня чуть сердце не заглохло. Я справился. И хотя чувство погружения остается, с каждым разом становится чуть легче.

– С каждым разом, – повторила я с ужасом. – Так ты часто бываешь в Уделах?

– Время от времени.

Он похлопал меня по плечу и поспешил за девушками. Аэле, беззаботно, словно ребенок, оставила свою лошадь возле него, и Слэйто покорно повел под уздцы обоих животных. Моя же лошадь пощипывала траву рядом и недоверчиво косилась на меня карим глазом. Я подмигнула ей и погладила по широкому лбу. Становилось все интереснее.

* * *

Кошон сколько угодно могла прикидываться смелой и отчаянной, готовой на любую авантюру, но под напором Аэле и она растаяла, словно масло в горячей каше, и теперь взхлеб рассказывала о своей жизни в маленькой деревне. О маме, местной ткачихе. О маленькой сестренке, которая серьезно заболела. Мы со Слэйто вполуха слушали этот наивный монолог, двигаясь за ней с Аэле.

Как и любая девочка, которая слишком рано решила, что она повзрослела, Кошон задумала содержать семью самостоятельно. В деревне это было тяжело, и, как тысячи непосед до и после нее, она отправилась на заработки в город. Но найти себе там применение так и не смогла: к ней грязно приставали мужчины, работать служанкой не получалось – а между тем отложенные матерью средства были на исходе. Когда она почти сдалась и пыталась наняться помощницей на небольшой баркас, занимающийся добычей краба, из родной деревни пришло письмо. Мать умоляла Кошон вернуться как можно скорее.

Ее маленькая сестренка серьезно заболела, и хворь развивалась с пугающей быстротой. В доме требовались любые свободные руки. Пришлось Кошон увязывать вещи в узел и идти в горы. Да только путь до деревни по ближайшей дороге внезапно стал очень опасным. Поглощающий перекрыл самый короткий путь домой. Мы встретили ее, когда Кошон почти потеряла надежду найти попутчиков и собиралась с духом, чтобы войти в Удел в одиночку.

Сейчас она не выглядела напуганной, но это скорее была заслуга Аэле. Нам предстояло два-три дня пути по скалистой местности, в которой обитало существо, привыкшее убивать так же, как мы привыкли дышать. Тут было чего бояться даже вооруженной мечнице, что уж говорить о деревенской девчонке.

Дорога была довольно широкой и совсем не крутой. Однако длительное запустение и обвалы сделали свое дело: то тут, то там на пути попадались огромные валуны, словно скинутые рукой великана с неба. Верхом мы бы не уехали далеко. Не привыкшие к таким нагрузкам ноги степных лошадок, нагруженных поклажей и с наездниками на спине, вряд ли бы выдержали передвижение по острым камням и бесконечное петляние среди завалов. Животные, к слову, совсем не боялись Удела, как и наши болтушки. Их не тревожили ни запахи, ни ощущения. Меня же они переполняли, но я очень надеялась, что мои инстинкты подскажут мне, когда опасность приблизится. С той секунды, как мы зашли в Удел, меня не оставляло предчувствие надвигающейся беды.

— ...а потом мы принимали роды у Мэги. Это наша старая собака. Ей лет десять уже, никак не меньше. Я так переживала, что толком ничем не могла помочь, но зато моя сестра — вот кто умница! — вела себя, как заправский лекарь. Именно Сью помогла Мэги разродиться, ни одного щенка не потеряла, хотя это была уже четвертая носка. Аэле, ты бы видела, как потом Мэги на нее смотрела. Вот хоть собака слова сказать не может, а все понимает. Положила только свою огромную кудлатую голову ей на колени и заснула. Мы потом этих щенков пастухам раздали. Мэги и сама в молодости пастушкой была отличной, только так волков гоняла, а из ее оцена выросли уж совсем медведи. Но ласковые и нежные, что твоя сметана.

Я остановилась и вздохнула, прижав пальцы к вискам.

— Снова началось? — поинтересовался Слэйто, подойдя сзади тихо, как обычно. С его плеча сорвалась лента светлой магии и долетела до моего серебряного наплечника. Соскользнув вниз на темный рукав рубашки, она еще пару секунд была видна, но затем растворилась, оставив после себя в воздухе серебристое мерцание.

— Нет. Я просто думаю... о боги, Слэйто, если встретим Поглощающего, что мы будем делать?

— Полагаю, я буду отвлекать его. — Голос прозвучал глухо, хотя лисий шлем не закрывал рта. — А вы побежите что есть мочи. Необходимо, чтобы через две луны Аэле оказалась далеко от гор Хаурака.

— Твоя готовность к жертвам похвальна, — усмехнулась я. — Да только будет ли в ней прок? Я видела работу Поглощающих, и мне кажется, что, если у здешнего Высшего мага будет желание, он прикончит сначала тебя, а затем всех нас. И ты его сильно не удержишь.

— Как ты думаешь, кто такие Поглощающие?

Этот вопрос прозвучал так серьезно, что мне даже не показалось это глупым, хотя любой малыш в Королевстве мог на него ответить.

— Высшие маги с неограниченной силой. Силой Тьмы.

— Ты называешь известное. А я спрашиваю о другом. Кто такие Поглощающие на самом

деле? – В прорезях шлема блеснули глаза.

– Демоны из другого мира? – Я пожалала плечами, разговор внутри Удела о таких вещах не придавал бодрости.

Внезапно Слэйто засмеялся, так громко, что идущие впереди девочки обернулись. Аэле досадливо махнула рукой и повела Кошон дальше. Их разговор продолжился, а смех Слэйто наконец прервался. Нехороший это был смех – я его узнала. Сама, Войя подери, так же стала смеяться. Сухо и безжалостно.

– Лис, это не демоны. Поглощающие намного ближе к людям, чем тебе кажется. Говоря грубо, это сама суть человечества. Выжимка из него.

– Люди не могут быть настолько равнодушны, жестоки и безжалостны. – Слова сорвались с языка, как всегда, раньше, чем я их обдумала.

Слэйто озабоченно глянул на меня:

– Ты сама-то веришь в то, что говоришь? Представь, что любому человеку в жизни дается выбор – одна возможность из сотни тысяч. Стать сильнее, чем когда-либо, могущественнее, чем кто-либо. Многие бы, по-твоему, отказались воспользоваться таким шансом?

– Но откуда.

– Представь: человеку придется пожертвовать его эмоциями, связями с обществом, семьей, если она у него есть, всей прежней жизнью – зато впереди его ждет удивительный приз, намного ценнее, чем любая магия!

У меня пересохло во рту. Перед внутренним взором явственно закачался на цепочке ключ с изломанной спиралью:

– Какой приз?

Но, видимо, Слэйто надоело откровенничать.

– Я же не Поглощающий, так откуда мне знать? – сказал он со вздохом и замолчал.

Несмотря на то, что я могла узнать намного больше, я обрадовалась, что разговор окончен. Если бы мы говорили дальше, мне бы пришлось поднимать тему проклятого ключа и его владелицы. Я еще не готова была обсуждать свое прошлое с моими новыми знакомцами, тем более посреди Удела Мрака. Но если мы выживем в этой безумной передрыге, я знала, что смогу многое вытащить из Слэйто.

Мы продолжили путь в молчании. Нас окружал Удел, и он за нами следил.

* * *

– А это не опасно? – Я покосилась на горный ручей, вода в котором, на мой взгляд, напоминала жидкую сталь. Даже воздух оседал на языке с металлическим привкусом, а вода казалась тягучей, какой определенно не должна была быть.

[Купить полную версию книги](#)